

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА **НБ**

Грасилиано Рамос

**ИССУШЕННЫЕ
ЖИЗНИ**

25 коп.

Полка 10 к

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА

ГРАСИЛИАНО РАМОС

ИССУШЕННЫЕ ЖИЗНИ

ПОВЕСТЬ

Перевод с португальского
С. БРАНДАО и З. ЧЕРНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Художественная литература“
Москва 1969

GRACILIANO RAMOS

VIDAS SECAS

1937

Предисловие

И. ТЕРТЕРЯН

Художник

М. ЧЕГОДАЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

На северо-востоке Бразилии расстилаются сертаны — обширные засушливые степи. Это край скотоводов. Он мог бы стать богатейшей областью страны, но каждые три-четыре года засуха выжигает пастбища и поля, высушивает воду в колодцах. Гибнет скот, люди умирают от голода и жажды. Оставшиеся в живых бросают дом и имущество и с детьми на руках неделями бредут по раскаленной земле к морю, где надеются найти хлеб и воду.

Однако подлинная причина трагедии сертанежо — жителей сертанов — не в засухе. С засухой, как и со всяким природным бедствием, можно бороться. Подлинная причина — в существовании латифундий — крупных помещичьих хозяйств, которым принадлежат все лучшие земли. Крошечных участков крестьянам не хватает, чтобы прокормить семью, и они вынуждены наниматься в издольщики на латифундию. У крестьянина нет ни современных орудий, ни удобрений, поэтому так безнадежна его борьба с природой. Помещик жестоко эксплуатирует арендатора и имеет право в любой момент прогнать его с земли. Конечно, и в других районах страны крестьяне страдают от безземелья и помещичьего гнета. Но в степях северо-востока крестьянская участь особенно тяжка. Поэтому бразильские писатели-реалисты нашего века создали целую серию романов о страданиях сертанежо, живущих в вечном предчувствии катастрофы, о крестном пути бедняков из голодных степей к побережью. Среди этих книг выделяется выразительной простотой повесть Грасилиано Рамоса.

Рамос родился в 1892 году в небольшом городке Кебрангуло. Мальчику было пять лет, когда засуха разорила его семью. Тогда он впервые увидел, как закрывают небо черные крылья больших птиц, улетающих с опаленных земель. Мы встретим эту запомнившуюся ему на всю жизнь картину в одном из самых трагических эпизодов повести «Иссушенные жизни».

Семья будущего писателя часто переезжала с места на место. Долгие странствования помогли Рамосу так нарисовать сертаны, что читателю кажется, будто он воочию видит равнину с одинокими деревьями жуазейро и белеющими костями животных, будто он сам изнемогает от жажды под пылающим солнцем.

От родителей Рамос унаследовал небольшую лавку, и долгие годы жизнь его текла спокойно и однообразно. Мало кто в городе знал о заветной мечте Грасилиано Рамоса — стать писателем. Он упорно занимается самообразованием, много читает, особенно увлекается произведениями Бальзака и Достоевского. В 1926 году он заканчивает свой первый роман — «Каэтэ», но лишь через семь лет решается послать его в столичное издательство. Роман был напечатан и имел большой успех. Так кончилась для Грасилиано Рамоса жизнь провинциального коммерсанта и началась новая жизнь — писателя и общественного деятеля.

Один за другим он пишет два романа, вошедшие в классику бразильской литературы, — «Сан-Бернардо» (1935) и «Тоска» (1936). Эти книги — как бы психологические исследования. Писатель изучает, как меняется характер человека под влиянием социальных условий, какой человеческий тип вырабатывается в разных слоях классового общества. Герой «Сан-Бернардо» — бывший батрак, ставший помещиком благодаря уму, решительности, жестокости. И вот постепенно чувство собственника глушит все живое в его душе, и полный сил и энергии человек неотвратимо приходит к сознанию собственного краха — он не получил от жизни ни любви, ни счастья, ни спокойной совести. В «Тоске» так же скрупулезно прослежены истоки психической болезни обиженного и обездоленного «маленького человека». Незаметный чиновник, непризнанный литератор, одержимый ненавистью к самоуверенным и властным богачам и вместе с тем привыкший к бессильному

смирению, он способен на внезапный отчаянный акт мести обидчику, но теряет рассудок при воспоминании о совершенном им преступлении. Оба эти романа сразу определили для современников особенности таланта Рамоса: суровую честность его реализма, подчеркнутое внимание к проблемам нравственности и социального поведения человека, немногословность и сдержанную простоту его письма.

В 1936 году Рамос был арестован. Нескольких номеров советского журнала «Интернациональная литература», найденных у него при обыске, оказалось достаточно, чтобы больше года продержать его в заключении. Ведь в Бразилии в это время власть захватила реакционная диктатура, развязавшая в стране антикоммунистический террор. В «Воспоминаниях о тюрьме», вышедших уже после смерти писателя, рассказано о страшных буднях тюремных камер, о том, какому испытанию подвергались человеческое достоинство и верность убеждениям, о том, как рождались дружба и солидарность. Впервые встретившись с коммунистами в тюрьме, писатель до конца своих дней сохранил восхищение их мужеством и стойкостью. Уже на склоне лет Рамос стал членом Коммунистической партии Бразилии.

Выйдя из тюрьмы, Рамос поселился в Рио-де-Жанейро. Здесь он заканчивает и в 1937 году публикует начатую в тюрьме повесть «Иссушенные жизни». Несмотря на литературное признание, Рамос не мог полностью посвятить себя творчеству. Чтобы прокормить семью, писатель был вынужден служить инспектором в гимназии и одновременно работать в большой ежедневной газете — «исправлять грамматические ошибки корреспондентов», как невесело шутил он сам. Незадолго до смерти Рамос совершил путешествие в СССР и написал книгу об этой поездке.

В 1953 году Грасилиано Рамос умер.

Читая повесть «Иссушенные жизни», удивляешься чуду писательского мастерства: из сдержанного, скупого рассказа зримо возникает образ Фабиано. Писатель показывает нам его крупным планом, во весь рост. Казалось бы, все подчеркивает невежество, умственную неразвитость пастуха: скудный запас слов, отрывистая речь (чувствуется, как трудно ему строить фразу). Мысли его повторяются снова и снова: о помещике, о засухе,

о голоде. И все же как духовно богат этот человек! Сколько нежности в отношении Фабиано к детям, в трогательном восхищении ученостью жены, в щемящей жалости к ней! А с какой теплотой относится Фабиано к собаке, к коню, к попугайчику, которого они вынуждены были съесть во время засухи. Фабиано восторгается образованностью соседа Томаса и сам тянется к недоступным ему знаниям. И работает Фабиано не для обогащения. Он не мечтает стать хозяином и нанять батраков, а трудится лишь для того, чтобы жить по-человечески.

Эпизод за эпизодом раскрывают различные стороны жизни крестьянина: тяжелый труд, гнет помещика, столкновение с властью, олицетворяемой в образе полицейского, бегство от засухи, наконец, решение бросить политую своим потом землю и идти в город на поиски лучшей доли. В помещике, полицейском, налоговом чиновнике писатель видит силы, глубоко враждебные народу и порабащающие его. И батрак Фабиано постепенно осознает эту враждебность. Пусть протест его еще робок, нерешителен, пусть он прорывается в таких отчаянных и бесполезных поступках, как стрельба по зловещим птицам, в которых вдруг воплотилось все, что его угнетает. Нельзя забывать, что повесть писалась в 1937 году, когда в Бразилии было подавлено освободительное движение и господствовала реакция. Нужно близко приглядеться к Фабиано, чтобы увидеть его будущее. Вот в конце романа он снова уходит в тяжкий путь через голодные степи. Но все светлое, доброе, человеческое сплетает в этот момент писатель в потоке мыслей героя. Фабиано думает о жене и детях, мертвой собачонке Ките, издыхающем от голода коне. Этой неистребимой любовью ко всему живому, готовностью защищать слабого силен Фабиано. Фабиано — «человек в пути», сохранивший душевные силы для всех трудностей и испытаний. Правда, он опускает тесак, занесенный было над головой полицейского. Пока еще побеждает привычка к смирению и страх. Но если Фабиано поднял оружие однажды, он поднимет его снова. Грасилиано Рамос не торопит время. Но он смотрит в будущее.

И. Тертерян

Глава I
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

На выжженной красноватой равнине ярко выделялись зеленые пятна — деревья жуазейро.

Фабиано и его семья шли весь день. Они устали, их мучил голод. Мало, очень мало они проходили за день, но сегодня, передохнув на берегу высохшей речки, путники

оставили позади более трех лиг. Вот уже много часов они думали лишь о том, как бы укрыться от зноя. Наконец сквозь редкие ветки высохших кустарников сверкнула вдали зеленая листва жуазейро. Из последних сил они потащились туда. Витория несла младшего сына. На голове у нее покачивался жестяной сундучок. Рядом неуклюже выступал Фабиано с кремневым ружьем и охотничьей сумкой на плече; у пояса на ремне висела деревянная чашка. Старший сын и собачонка Кит плелись сзади.

Жуазейро то приближались, то отступали, то исчезали из виду. Вдруг старший сын с громким плачем опустился на землю.

— Вставай, черт тебя побери, — прикрикнул на него Фабиано.

Ничего не добившись, он ударил сына ножами от тесака. Но малыш только всхлипывал, сжавшись в комочек, а потом совсем притих и закрыл глаза. Отец снова начал бить мальчика, но он не вставал. Вzbешенный Фабиано огляделся и снова выругался.

Везде, куда ни кинешь взор, простиралась каатинга¹.

Красноватая земля была усеяна костями, выбеленными солнцем. В вышине кружились черные грифы-урубу, спускаясь все ниже над трупами животных.

— Вставай, проклятый! — снова заорал Фабиано.

Малыш не шелохнулся. Вакейро² готов был убить его. Сердце у Фабиано зачерствело, и сейчас ему хотелось сорвать на ком-нибудь зло. Засуха представлялась ему чем-то неизбежным, неотвратимым. Так почему же сын упрямится? Мальчик, конечно, не виноват, что устал, но из-за него пришлось остановиться, а Фабиано необходимо было идти, но только он уже не знал — куда. Каменистая дорога, усеянная колючками, давно осталась позади, и много часов подряд они шли, обжигая ноги, по руслу пересохшей реки.

В воспаленном мозгу Фабиано мелькнула мысль: оставить сына, бросить его здесь. Он огляделся вокруг, увидел грифов, разбросанные повсюду кости и остановился, почесывая в нерешительности свою рыжую бороду. Витория что-то невнятно прохрипела и кивнула

---

¹ Каатинга — заросли низкорослых деревьев и кустарников в засушливых районах Бразилии.

² Вакейро — пастух.

в ту сторону, где виднелись жуазейро. Фабиано сунул тесак в ножны и пристегнул его к ремню; он присел на корточки возле сына и взял его за руку, рука была холодна, как у мертвеца. Гнев Фабиано миготом исчез. Осталась лишь жалость. Бросить малыша здесь, среди диких зверей? Он передал жене ружье, взвалил сына на плечи, поднялся и схватил упавшие ему на грудь ручонки, слабые и тонкие, как тростинки. Витория опять что-то пробормотала: она была довольна Фабиано и торопила его идти дальше. И они зашагали снова, еще медленнее, в полной тишине. Теперь Кит один возглавлял шествие. Он бежал, высунув язык, тяжело дыша. То и дело пес останавливался, поджидая людей, которые все время отставали.

Еще накануне в живых их было шестеро вместе с попугаем. Попугая съели на берегу высохшей реки, у небольшой лужи. Вот уже несколько дней они не могли найти еды, и голод все сильнее мучил их. Кит обглодал косточки и, казалось, забыл о своем друге. Зато теперь, во время остановок, оглядывая лихорадочно блестящими глазами жалкий скарб, пес недоумевал, не видя на жестяном сундучке маленькой клетки с птицей. Нет-нет и Фабиано с грустью думал о попугае: они прикончили его, потому что им нечего было есть; остатки муки кончились, не слышалось мычания скота, затерявшегося в каатинге, и он напрасно бродил в поисках кореньев. Витория сидела на земле, обхватив руками костлявые колени, и думала о своем. Бессвязно проносились мысли. Свадебные праздники, перегоны скота, молитвы. Резкий крик попугая заставил ее очнуться. Рассерженная птица смешно подпрыгивала на растопыренных лапах. Внезапно Витория решила свернуть ей шею. Оправдываясь, она убеждала себя, что попугай для них совсем бесполезен, да он и не умел говорить. Кому нужна такая птица, думала она. Но разве ему было где научиться болтать? Обычно в семье говорили мало, а с тех пор, как наступила засуха, люди и вовсе перестали вести беседы и лишь изредка обменивались короткими словами. И попугай уныло насвистывал, словно погонщик скота, или вдруг принимался лаять, подражая Киту.

Впереди вновь показались зеленые жуазейро, и Фабиано, забыв про усталость и голод и преодолевая нестерпимую боль в ногах, зашагал быстрее. Подметки на

его альпаргатах¹ совсем стерлись, и ремешки, глубоко врезавшиеся между пальцами, причиняли острую боль. Загрубевшая кожа на пятках потрескалась и кровоточила.

Внезапно за поворотом дороги они увидели изгородь. Там была фазенда². Фабиано обрадовался: может, теперь-то они поедят. Ему захотелось петь. Но из горла вырывались только страшные хриплые звуки. Он замолчал, решив поберечь силы. Путники покинули русло пересохшей реки и побрели к ограде; они вскарабкались по холму и наконец добрались до жуазейро. Как давно не видели они тени! Витория сразу же уложила сыновей. Как подкошенные, мальчики повалились на землю. Мать заботливо укрыла их тряпьем. Старший сын, ослабевший за долгий путь, примостился на куче сухих листьев, положив голову на корень; он то засыпал, то вновь просыпался. Открывая глаза, мальчик смутно различал очертания горы, какие-то камни да старую повозку. Кит, свернувшись клубком, пристроился около него.

Семья Фабиано расположилась во дворе. Загоны для скота были пусты, покосившаяся лачуга вакейро заколочена. Все говорило об отсутствии хозяев. Наверное, им тоже пришлось бежать от засухи, а скот погиб — напрасно прислушивался Фабиано, надеясь услышать позвякивание колокольчиков. Подойдя к дому, вакейро на всякий случай постучал, потом попробовал открыть дверь — она не поддавалась. Тогда он пролез в палисадник, весь покрытый засохшими растениями. Вот и двор, но и здесь никого. Зияет яма, из которой брали глину, вдоль ограды чернеет высохший кустарник. Фабиано влез на столб и оглядел каатингу: лишь груды костей да черные урубу. Спустившись, он пошел к дому, толкнул ногой дверь, ведущую в кухню, и уныло побрел обратно. У хижины вакейро он на минуту задержался, подумав, а не перебраться ли им сюда? Но, вернувшись к жуазейро, Фабиано увидел, что ребятишки спят, и решил их не тревожить. Он набрал немного валежника и принес из загона охапку трухлявых, источенных термитами жердей.

Вдруг Кит наострил уши: он почуял тушканчиков. Собака принюхалась и, поняв, откуда доносился запах,

---

¹ Альпаргаты — матерчатые сандалии.

² Фазенда — имение помещика-скотовода.

бросилась к ближайшему холму. Проводив ее взглядом, Фабиано замер: какая-то тень скользнула по вершине холма. Тронув жену за руку, он показал ей на небо. Некоторое время они стояли, напряженно вглядываясь в вышину. Потом, смахнув слезы, выступившие от нестерпимо яркого солнечного света, они опустились на корточки около детей и застыли в нерешительности, боясь, как бы не рассеялась тучка, побежденная беспощадной голубизной неба, голубизной, которая ослепляла и сводила с ума. Как мучительно тянулось время. Дни шли за днями. Ночь внезапно окутывала землю, словно темно-синее покрывало простиралось над миром, погружая все во мрак, и только далеко на западе тьму пересекали багряные отблески. Одинокие, затерянные в выжженной каатинге, беглецы прижались друг к другу, чтобы поделиться своими горестями и опасениями. Сердце Фабиано тревожно билось рядом с сердцем Витории. Потом, устыдившись минутной слабости, Фабиано и Витория отпрянули друг от друга, но у них не хватало духу снова взглянуть вверх: они боялись встретить резкий, ослепляющий свет солнца, боялись потерять последнюю надежду. Они начали было засыпать, как вдруг их разбудил Кит: пес тащил в зубах пойманного тушканчика. Все с криками повскакали с земли. Старший мальчик тер кулаками глаза, отгоняя сон. Витория бросилась целовать собаку. Морда у Кита была забрызгана кровью, и Витория жадно слизывала еще теплую живительную влагу. Добыча была ничтожной, но она несла семье спасение. А Фабиано хотелось жить. Он решительно взглянул на небо. Туча росла. Теперь она закрывала весь холм. Робкая надежда Фабиано превратилась в уверенность. Он даже притопнул от радости, забыв про свои израненные ноги. Витория торопливо искала что-то в сундучке. Ребята пошли наломать сучьев для вертела. А в это время Кит, присев на задние лапы, внимательно наблюдал за людьми, терпеливо дожидаясь, когда ему перепадет его доля — скорее всего кости, а чего хорошего и шкура.

Взяв чашку, Фабиано спустился по склону и направился к пересохшему руслу реки. На том месте, где раньше был водопой для скота, он увидел лишь немного мокрого ила. Вакейро разгреб пальцами песок и стал ждать, пока просачивающаяся вода наполнит ямку.

Потом он лег на живот и долго пил. Утолив жажду, он перевернулся на спину. Звезды одна за другой вспыхивали в небе — одна, другая, третья. Как их было много! Небо на западе заволокло облаками, и радость, безумная радость захлестнула сердце Фабиано. Потом он подумал о семье, снова ощутил голод. Когда вакейро ходил, он двигался так же неуклюже и в развалку, как мельничное колесо, то самое колесо, что вращалось на мельнице у сеу¹ Томаса. Бездомный бродяга, изнемогающий от голода, — вот кем теперь был Фабиано. Он лежал на земле и размышлял, что же стало с мельницей сеу Томаса? Он посмотрел вверх. Облака сгущались. Взошла луна, большая и светлая. Быть дождю.

Когда наступила засуха, сеу Томас тоже бежал, и его мельничное колесо остановилось. Вакейро казалось, что он похож на неподвижное колесо. А почему, он и сам не знал. Звезды мерцали на небосклоне, луна плыла в молочном сиянии. Все говорило о дожде. Снова оживет каатинга. В загонах будет много скота, и он, Фабиано, станет трудиться на возрожденной фазенде. Бубенцы на шеях коров и коз снова зазвонят и развеют гнетущее одиночество. Толстые и розовые дети весело заиграют на приволье, а Витория наденет свои пестрые с яркими узорами юбки. Коровам будет тесно в закутке. И вся каатинга оденется в зелень. Он вспомнил про сыновей, жену, про собаку, оставшихся наверху, под жуазейро, и страдающих от жажды, вспомнил о тушканчике. Наполнив чашку, Фабиано поднялся и осторожно двинулся вперед, боясь расплескать солоноватую воду. Он взобрался на холм. Жаркий ветерок шевелил кактусы. Фабиано почувствовал какое-то движение — словно легкая дрожь пробегала по иссохшим ветвям деревьев.

Вернувшись к своим, вакейро поставил чашку на землю, подперев ее камнями, и семья утолила жажду. Потом он взял кремневое ружье, спустил курок, высекая искры, и принялся разжигать валежник. Он старался изо всех сил, надувая ввалившиеся щеки. Наконец дрожащий огонек поднялся и осветил его загорелое обветренное лицо, рыжую бороду, синие глаза. Еще мгновение, и тушканчик жарился на вертеле. Все будут счастливы. Витория снова оденет пеструю юбку, увядшее лицо ее

---

¹ Сеу — сокращенно от обращения «сеньор».

помолодеет, тело нальется силой. Пунцовое платье жены непременно вызовет зависть у товарок.

Луна светила все ярче, звезды гасли, исчезая в молочном ночном тумане. Все меньше и меньше звезд оставалось на небе. Туча надвигалась, она закрыла весь холм.

Фазенда возродится, и он, Фабиано, опять станет вакейро, настоящим хозяином скота.

Их жалкий скарб валялся на земле: жестяной сундук, кремневое ружье, охотничья сумка да чашка для воды. Потрескивал костер, и на вертеле шипел тушканчик.

Румянец окрасит грустное лицо Витории. Мальчики станут резвиться на своей собственной земле. Отовсюду будет доноситься позвякивание бубенцов. И каатинга зазеленеет от края до края.

Кит вилял хвостом, уставившись на угли. Он не мог мечтать и поэтому терпеливо дожидался минуты, когда получит свою долю.

Г л а в а II ФАБИАНО

Фабиано искал в каатинге пеструю телку. В сумке у него лежал пузырек с креолином: он хотел полечить телку. Найти беглянку не удавалось, но Фабиано видел следы на песке. Присев на корточки, он сложил из веток крест и стал молиться. Если телка не подохла, она сама вернется в загон — ведь бог всемогущ. Окончив молитву, Фабиано поднялся и со спокойной совестью отправился домой. Он вышел на берег реки. В степи сыпучий песок изматывал, отнимал силы, а здесь его альпаргаты весело постукивали по засохшему илу. Тяжелые бубенцы, нанизанные на веревку, оттягивали плечо. Они глухо звякали. Фабиано шел согнувшись, опустив голову, мерно двигая руками, — взмах вправо, взмах влево. Это движение было сейчас излишним, но сам он, его отец, дед и далекие предки — все они привыкли, пробираясь по тропинкам, раздвигать ветки руками. Вот уже и его маленькие сыновья повторяют это привычное движение.

Три пары альпаргат мерно стучат по сухому растрескавшемуся илу. Под серой затвердевшей коркой он лежит черный и податливый. Люди идут, и почва слегка колышется у них под ногами. Впереди всех бежит собака, разыскивая пеструю телку.

Фабиано доволен собой. Как-никак, а ему удалось устроиться. Он пришел в эти места с семьей, умиравшей от голода, только и оставалось, что корни глотать. Без сил он свалился во дворе под жуазейро. Фабиано решил остаться в покинутом, пустом доме. Он, жена и дети приютились в темной комнатухе совсем как мыши, и мало-помалу воспоминания о тяжелых днях рассеялись.

Вакейро уверенно ступал по растрескавшейся земле. Вынув нож, он вычистил из-под ногтей грязь, извлек из сумки кусок табака, накрошил его и завернул в кукурузный лист.—получилась сигара. Достав огниво, он прикурил и с наслаждением затянулся.

— Эх, да ведь ты человек, Фабиано! — громко воскликнул он и запнулся, заметив рядом сыновей. Удивились, наверное, услышав, как отец разговаривает сам с собой. А если хорошенько подумать, какой же он человек,— он всего-навсего кабра¹, жалкий бездомный кабра, поденщик, присматривающий за чужим добром. Он такой сильный, загорелый, с синими глазами и огненно-рыжей бородой, а должен пресмыкаться перед богачами, как самый последний батрак, а все потому, что живет на чужой земле и работает на других. Он с опаской огляделся вокруг — не услышал ли его возглас кто-нибудь, кроме детей, и смущенно буркнул:

— Нет, ты не человек, а зверь, Фабиано.

Но это было сказано не без гордости. Да, зверь, но зверь выносливый и могучий. Пришел сюда, страшно было смотреть, а теперь — снова сильный, крепкий, даже потолстел, и покуривает в свое удовольствие.

— Ты сильный зверь, Фабиано,— вполголоса произнес он.

Так оно и есть. Забрел в чужую усадьбу, даже своего угла не имел. Не один день жевали корни да семена растений. Наконец разразилась гроза, хлынул ливень... А потом вдруг нагрянул помещик и выставил вон. Пришлось прикинуться таким простачком, а потом, почесывая локти, как он обычно делал, и криво улыбаясь, пойти заниматься на работу. Ничего другого не оставалось. Хозяин передал ему клеймо, велел следить за стадом, а сам укатил в город.

---

¹ Кабра — метис; презрительная кличка батраков.

Теперь Фабиано пасет скот, и никто не посмеет выгнать его отсюда. Как загнанный зверь, появился он здесь, как зверь, забился в нору, но теперь-то он прочно стоит на земле. Фабиано окинул взглядом заросли кактусов. Он сильнее их. Он как деревья катингейра и барауна с их огромными, вросшими глубоко в землю корнями. Он, Витория, дети и собака — все они словно приросли к фазенде.

Мерно постукивали альпаргаты по растрескавшейся земле. От постоянной верховой езды ноги у вакейро искривились, спина сгорбилась. Он бестолково размахивал руками и всем своим видом напоминал большую обезьяну. Ему вдруг стало грустно. Разве можно всерьез поверить в то, что он прижился на чужой земле? Что за вздор. Видно, такая у него доля — мыкаться по свету, идти куда глаза глядят, подобно вечному страннику.

Он бродяга, гонимый засухой, и здесь очутился случайно, — здесь он лишь гость. Да-да, гость, который слишком долго засиделся, привык к дому, любил загоны и деревья, приютившие их в ту ночь.

Фабиано щелкнул пальцами. В несколько прыжков Кит очутился рядом и принялся лизать его огромные волосатые руки.

— Кит, ты ведь тоже зверь,— ласково сказал ему хозяин.

Живя вдали от людей, Фабиано умел ладить только с животными. Говорил он односложно, гортанным голосом, и четвероногий друг с полуслова понимал его. Огрубевшие ноги вакейро не боялись колючек и зноя, исходящего от раскаленной земли. Вскakiвая в седло, он словно прилипал к нему и сливался с лошадей. Зато на земле Фабиано казался нескладным, косолапым. Он раскачивался из стороны в сторону и чувствовал себя очень нерешительно. Иногда в разговорах с людьми он издавал те же восклицания, которыми погонял быков. Впрочем, говорить ему приходилось мало, и длинные, вероятно трудные городские слова приводили вакейро в изумление. Некоторые он пытался повторять по памяти. Ничего не получалось. Он любил длинные слова, но знал, что проку от них мало и они таят в себе страшное зло.

Один из сыновей подошел к нему и что-то спросил. Фабиано остановился и, нахмурив лоб, ждал, пока малыш снова задаст вопрос. Не разобравшись толком, он выругал сына. Очень уж пострел стал любопытным. Если так пойдет дальше и он всюду будет совать свой нос, к чему это приведет?

Ох, уж эти мне ребята. Вечно чего-нибудь жди от них. Нет, не то он говорит. Фабиано вспомнил свое детство. Был он маленьким, шуплым мальчишкой, бегал в дырявой застиранной рубашонке. Отправляясь с отцом на работу в поле, он вечно приставал к нему с расспросами и не получал ответа. Фабиано подозревал сыновей, заговорил о скотине, о пастбищах. Хотелось развлечь детей. Он хлопнул в ладоши.

— Ищи, ищи, Кит!

Послушный хозяину, Кит бросился в заросли на поиски телки. Немного погодя он с виноватым видом прибежал обратно, поджав хвост. Фабиано приласкал его. Он ведь только хотел показать сыновьям, как надо обращаться с собакой. Хорошо, если они сами научатся это делать.

Вакейро прибавил шаг, он миновал высохший илистый берег реки и начал взбираться по тропинке к дому.

Гнетущее чувство не оставляло его. Фабиано взгрустнулось. Словно он очутился перед пропастью, и вся прежняя жизнь показалась ему бессмысленной и пустой. Надо поговорить с женой, пусть все станет на место. А сейчас за работу: поскорей набрать корма для скота. Пеструю телку теперь вылечит молитва. Если она подохнет, то уж не по его вине.

— Ищи, ищи, Кит!

Кит снова замелькал среди кактусов. Дети кричали ему вслед. Им было весело, и на душе у Фабиано прояснилось. Это он хорошо придумал. Телка, конечно, не могла забраться в кактусы, и искать ее там нечего, но урок пойдет на пользу детям — научатся управляться с собакой. Захлебываясь от восторга, они хлопали в ладоши. Пес вернулся, тяжело дыша, с высунутым языком. Фабиано шагал впереди, он думал о кобыле, которую нужно объезжать. Кобылка не подкована и ни разу не ходила под седлом. Ох, и задаст она ему хлопот! Ему хотелось поговорить с Виторией о детях. Конечно, жену винить нельзя. Она день-деньской хлопочет по хозяйству: моет посуду, прибирает в доме, поливает цветы, бегают то и дело за водой к реке, а дети одни-одиношеньки копаются в яме. Целый день они возятся в грязи, как поросята. Поэтому и растут такими дикарями. Фабиано примирился со своим невежеством. Имел ли он право что-нибудь знать? Нет, не было у него такого права. В том-то и дело. Да ведь если выучишься чему-нибудь, захочется узнать побольше, придется учиться еще, а все равно никогда не будешь доволен.

Вспомнился ему сеу Томас с мельницы. Кому приходилось тяжелее, чем сеу Томасу? А все почему? Только потому, что старик больше всех читал. Он, Фабиано, частенько говаривал ему: «Сеу Томас, этак и свихнуться недолго. Зачем столько читать? Ведь когда явится беда, она никого не пощадит». Пришла засуха, и бедный добрый старик, такой умный и ученый, потерял все и пошел бродяжить. Сейчас уж поди протянул ноги. Таким, как он, не под силу тягаться с бедой.

Спору нет, ученость его внушала уважение. Когда Томас в черных сапогах с красными латками важно проезжал на своей жалкой слепой лошаденке, Фабиано вместе с другими крестьянами почтительно снимал шляпу.

Сеу Томас отвечал на приветствия: он касался полей соломенной шляпы и раскланивался направо-налево.

Иногда Фабиано хотелось во всем походить на Томаса с мельницы. Он пытался произнести незнакомые трудные слова, безбожно путал, но старался убедить себя, что дело идет на лад. Однако усилия его ни к чему не приводили. Видно, суждено ему всю жизнь коверкать язык. Сеу Томас, вот он говорил складно. Глаза себе испортил, вечно читая книги да журналы, а вот приказывать не умел, просил. Странно, что довольно состоятельный человек был вежлив. Даже односельчане осуждали старика за такое поведение, но уважали и слушались его. Пусть кто-нибудь посмеет сказать, что ослушался сеу Томаса.

Другие были не такими. Взять, к примеру, его теперешнего хозяина. Только и знает, что кричит без всякой причины. На фазенду не заманишь, а как только сунет нос, все ему не нравится. Стада растут, а он знай себе бранится да отчитывает вакейро. Хозяин бранился, а Фабиано молча выслушивал его ругань, держа шляпу под мышкой. Он извинялся и обещал исправить неполадки, а про себя думал: «Буду я еще исправлять. Ведь и так все в порядке. Просто хозяин хочет показать свою власть. Кричит, потому что он хозяин. Как будто кто-то в этом сомневается».

А кто такой Фабиано? Рабочий скот, батрак на фазенде. Его могут вышвырнуть в любое время, когда он будет меньше всего ожидать этого. По контракту Фабиано получил рабочую лошадь, кожаную куртку, передник, краги и огромные башмаки из сыромятной кожи. Когда его прогонят, лошадь и одежда перейдут к другому вакейро. А Витория еще мечтала о настоящей кровати, такой же кровати, как у сеу Томаса. Что за чушь! Он никогда не говорил этого вслух, чтобы не перечить жене, хотя прекрасно понимал, что желание ее несбыточно. Разве им думать о роскоши? К тому же они здесь ненадолго. Придет день, и хозяин выставит его вон, тогда снова побредут они куда глаза глядят, прихватив с собой жалкий скарб. Так и живут на связанных узлах, того и гляди, придется ночевать под деревом.

Фабиано оглянулся. Выгоревшая на солнце каатинга в лучах заходящего солнца казалась красной. Если наступит засуха, не останется ни одной зеленой ветки. Ему

стало страшно. А засуха, конечно, наступит. Так было всегда, так было с тех пор, как он себя помнит. Да и раньше, до того как он появился на свет, именно так и происходило: хорошие времена перемежались с плохими. Несчастье всегда сторожило людей, и сейчас оно бродит где-то рядом. Стоит ли трудиться? Фабиано спешил домой, он карабкался по холму, камни сыпались из-под ног, и ему казалось, что беда гонится за ним по пятам и нет от нее спасения.

Отвернувшись, чтобы его не видели сыновья, вакейро перекрестился. Нет, он не хотел умирать. Хорошо бы еще побродить по свету, повидать другие земли, узнать поближе людей, таких же важных, как сеу Томас. Судьба не сулила ему ничего хорошего, но Фабиано решил потягаться с ней. Он чувствовал в себе силы одолеть ее. Умирать он не хотел. Фабиано притаился, словно лесной броненосец тату в чаще, — такой же упрямый и решительный. Но придет день, и он выйдет из своей берлоги на свет и высоко поднимет голову. И тогда станет наконец человеком, настоящим человеком!

Он остановился, почесал бороду и зажег потухшую сигару. Нет, не бывает, видно, Фабиано свободным человеком. Вечно находиться ему в кабале у богачей, как последней скотине. А что же потом? Вакейро верил, что не умрет рано. Голодное время, когда нужно затягивать ремень до отказа, пройдет, и он будет жить долго-долго — сто лет. А если даже и умрет от голода или его забодает бык, после Фабиано останутся крепкие и сильные сыновья, и у них тоже будут дети. Надо хорошенько обучить детей. Они должны добывать корм для скота, чинить изгороди, объезжать диких лошадей, должны быть крепкими, как броненосец тату. Если они не привыкнут к труду и руки их не покроются мозолями, мальчиков ждет участь мельника Томаса. К чему было читать столько книг и газет? Все равно бедняга умер от болезней и невзгод.

Земля совсем высохла, а тут еще хозяин, придира этаким, все ругается. Но когда-нибудь засухи исчезнут, и все пойдет как надо... А исчезнут ли засухи? Этого Фабиано не знал. Сеу Томас с мельницы должен был про это знать из книг. И тогда-то дети смогут разговаривать, задавать вопросы и весело резвиться. Но теперь они должны вести себя, как положено.

Вот и двор. Показался домишко — мрачный и низкий, с потемневшей кровлей. Жуазейро, старая телега и камни, около которых валялись дохлые змеи, остались позади. Альпаргаты малышей уже стучат по высохшей утрамбованной земле. Кит бежит, разинув пасть и тяжело дыша.

В этот час Витория, должно быть, хлопочет на кухне. Подобрав узорную юбку, сидит, верно, она на корточках у очага и готовит обед. Фабиано захотелось есть. После еды он поговорит с Виторией о детях.

Глава III

ТЮРЬМА

Фабиано отправился в город на ярмарку за покупками. Нужно было запастись солью, мукой, тростниковым сахаром и фасолью. Витория просила еще достать бутылку керосина и отрез красного ситца. Да вот беда — в керосин сеу Инасио всегда подливал воду, а ситец был очень дорог.

Фабиано обегал все лавки. Боясь, как бы его не провели, он торговался из-за каждого гроша. Смущенный и нерешительный, бродил вакейро по городу. К вечеру он наконец решил купить ситцу для Витории, вытащил было деньги, но тут же спохватился. Убежденный в том, что все лавочники только и знают, что обмеривать да обсчитывать, вакейро опять завязал хрустящие бумажки в платок, сунул в карман и направился к харчевне сеу Инасио, где оставил вещи.

Фабиано еще раз убедился, что керосин у сеу Инасио явно разбавлен водой. Было жарко, и он решил промочить горло. Хозяин лавки принес бутылку кашасы — тростниковой водки. Вакейро одним духом осушил стакан, сплюнул, обтер рукавом губы и скривил лицо. Он готов был биться об заклад, что кашаса тоже с водичкой. «Почему сеу Инасио во все норовит подлить воды?» — подумал про себя Фабиано. Собравшись с духом, он спросил лавочника:

— Почему это вы во все подливаете воду?

Хозяин сделал вид, будто не слышит. Фабиано вышел на улицу и уселся на тротуаре. Ему хотелось потолковать с кем-нибудь. Говоря по правде, не так уж много

слов он произносил, но в интересном разговоре оживлялся, смелел и начинал вставлять запомнившиеся ему выражения Томаса с мельницы. Бедный сеу Томас! Такой справедливый, умный человек, а пошел по миру, как нищий, и пропал. Все уважали старика, он даже принимал участие в выборах. Кто бы мог подумать, что бедняга так кончит?

В этот момент неведомо откуда появился полицейский с желтым от лихорадки лицом; он хлопнул Фабиано по плечу:

— Ну как, приятель? Сыграем в тридцать одно?

Фабиано с почтением рассматривал мундир полицейского; он замялся, подыскивая подходящие слова из тех, что слышал от сеу Томаса:

— Вот именно... так и есть... стало быть... в конце концов... при условии... это соответствует...

Он поднялся и пошел следом за желтолицым, ведь все-таки он представитель власти и может приказывать. Так уж повелось — Фабиано всегда подчинялся; и силу в руках имел, а вот думал редко, желания его были ограничены, и он всегда подчинялся тем, кто приказывал.

Вместе с желтым полицейским они пришли в харчевню. Довольно пестрая компания, расположившись на циновках, играла там в карты.

— Подвиньтесь! — приказал полицейский. — Не видите, люди пришли.

Игроки потеснились, и они сели. Желтолицый сразу же сдал карты, но, видно, не в добрый час: в несколько минут он все проиграл. Фабиано тоже не повезло. «Ох, как взбеленится Витория! — мелькнуло у него в голове. — И поделом, так тебе и надо!» В нем закипела злоба. Вакейро поднялся и с мрачным видом направился к выходу.

— Постой, деревенщина! — крикнул желтый полицейский. У Фабиано горели уши, но он не обернулся. Он спросил у сеу Инасио свои вещи, надел кожаную куртку, перекинул сумки через плечо и вышел на улицу.

Время шло, а Фабиано никак не решался тронуться в обратный путь. Остановившись у дерева, где горшечница Рита расположилась со своим товаром, он болтал с ней о разных пустяках. Но в голове у него засела одна мысль: как оправдаться перед Виторией? Он начал

было сочинять объяснение: купил матерью и потерял сверток, заплатил в аптеке за лекарство для Риты... Дальше дело не двигалось, и Фабиано запутался. Не хватало воображения, да и врать он не умел. Почему-то во всех его выдумках неизменно присутствовала Рита, и это ему не нравилось. Он стал придумывать историю, в которой бы она не участвовала. Он скажет, что отложенные на ситец деньги украли. А разве дело обстояло не так? Проклятые бандиты обыграли его в тридцать одно. Но упоминать об игре нельзя. Просто он объяснит Витории, что платок с деньгами остался в кармане куртки, а потом невесть куда затерялся. Надо рассказать так: «Купил все что надо. Оставил сумки и куртку в харчевне у сеу Инасио. Встретил полицейского...» Нет-нет, никого он не встретил!.. И снова вакейро запутался. Ему хотелось рассказать о желтом полицейском. Дескать, повстречал старого знакомого, друга детства. Жена, наверное, возгордится, услышав такую новость. А может, и нет. Уж больно она смекалиста, сразу догадается, что он хвастает. Поэтому о желтолицем ни слова. Деньги пропали в лавке у сеу Инасио. Ведь могло же так случиться! «Конечно, могло», — повторил Фабиано про себя; кто-то с силой толкнул его, и он ударился головой о дерево.

Ярмарка кончилась. Смеркалось. Фонарщик, взбираясь на лестницу, зажигал уличные фонари. Вечерняя звезда засветилась над колокольной. Из аптеки вышел, блистая великолепием, судья; пробежал, прихрамывая, сборщик налогов из префектуры; мусорщик провез свою тележку, подбирая сор; викарый вышел из дома и раскрыл зонтик: моросил дождь. Рита исчезла.

Фабиано ужаснулся: только к полуночи он попадет домой. Черт его попутал проиграть деньги, да еще очумел от водки и не заметил, как пролетело время! И керосину не купил, придется целую неделю сидеть в темноте. Вакейро взвалил на плечи сумки, готовый пуститься в дорогу. Его снова кто-то толкнул. Фабиано обернулся. За ним стоял желтый полицейский. Лицо будто изъедено ржавчиной, на лбу морщины. Он явно задирал вакейро, желая затеять ссору. Фабиано угрожающе потряс шляпой перед носом полицейского. Ведь достаточно хорошего удара кожаной шляпой, и это ничтожество полетит в грязь. Но, взглянув на людей, на окружавшие его пред-

меты, вакейро сразу присмирел. В степи бы он показал, на что способен, а здесь, на улице, ему сделалось не по себе, и он весь сжался.

— Вы не имеете права придирааться к тем, кто ведет себя смирно,— попытался он защищаться.

— Проваливай отсюда! — завопил полицейский. Он стал ругать Фабиано за то, что тот ушел из харчевни, не попрощавшись.

— Что за вранье,— начал вакейро, заикаясь.— Разве я виноват, что вы проматываете свои денежки в карты...— И запнулся. Желтолицый топтался возле Фабиано, желая во что бы то ни стало раздуть скандал. Не найдя благовидного предлога, полицейский изо всех сил тяжелым сапожищем наступил на ногу вакейро.

— Перестань, парень, я ведь тебя не трогаю. Зачем ты мне на ногу наступил? — возмутился тот. Блюстителю порядка продолжал давить на ногу. Потеряв терпение, Фабиано обругал его на чем свет стоит. Желтый полицейский тотчас же засвистел, и через минуту их окружил отряд полиции.

— Следуй за мной! — приказал сержант.

Вакейро пошел за полицейским, не отдавая себе отчета в том, что с ним происходит. Его привели в тюрьму и предъявили страшные обвинения. Ошеломленный Фабиано даже не защищался.

— Все ясно,— сказал сержант.— Подставляй спину.

Его стали бить тяжелыми палашами по спине и по груди, а потом швырнули в темную камеру. Щелкнул ключ в замке. Фабиано поднялся, шатаясь сделал несколько шагов и уселся в угол, растерянный и недоумевающий. Он никак не мог понять, почему с ним так поступили. Человек он тихий, никогда не попадал в полицию. И вдруг ни с того ни с сего очутился в тюрьме. Фабиано был так обескуражен, что никак не мог понять, как это он попал в беду. Накинулись все разом, будь они прокляты. Попробуй-ка докажи, что ты прав. Вот оно как обернулось. Вакейро провел руками по спине и по груди. Все тело ломило. Но синеватые глаза его гневно сверкали. И вправду, его избили и бросили в камеру. За что? Фабиано удивленно и недоверчиво качал головой.

А все желтолицый... И откуда он только взялся? Жалкий трус, ничтожество. Стоило легонько стукнуть его, и мокрого места не осталось бы. Но он не ударил

полицейского, ведь сколько народу сразу понабежало. Фабиано плюнул с презрением:

— Подлец, трус несчастный, негодяй!

И из-за такого мерзавца обижают отца семейства! Фабиано подумал о жене, о детях, о собаке Ките. Опустившись на четвереньки, он стал торопливо шарить по полу. Все покупки были на месте. А ведь могли и затеряться в суматохе. Припомнилась ему материя, которую он видел в лавке. Красивая, красная с узорами, как раз для Витории. Хотел купить подешевле, а теперь вот приходится сидеть в тюрьме. Он принялся перебирать сумки. Витория, наверное, беспокоится, ждет. В доме темно, малыши греются у огня, Кит наострил уши и прислушивается к каждому шороху. Дверь, наверное, уже заперли.

Фабиано вытянул ноги и прислонился к стене. Дали бы ему время подумать, он бы все объяснил как следует. Да вот беда — от неожиданности язык прилип к горлу. Такое нелепое обвинение любого собьет с толку. Он не хотел смириться с мыслью, что неожиданная беда выпала именно на его долю. Здесь ошибка; наверное, полицейский обознался. Иначе и быть не может.

Но почему желтый полицейский пристаёт к нему да еще бросает в тюрьму? Фабиано ко многому притерпелся. Бывало, когда его приятелей привязывали к колоде и полосовали плетью, он утешал: «Потерпите. Если наказывают власти, надо терпеть». Но теперь он скрежетал зубами от злости. За что его избили?! Разве он заслужил наказание? И сколько Фабиано ни старался, он не мог убедить себя в том, что желтолицый — тоже власть. Ведь власть — что-то далекое, справедливое, и ошибаться она не может. А этот хилый и злой полицейский сначала приглашает поиграть в карты, а потом устраивает скандал. Правительство не должно смотреть сквозь пальцы на такую подлость. В конце концов кому нужны желтые полицейские? Он ударил в стену ногой и закричал, приходя в бешенство:

— Кому нужны желтые полицейские?

Другие арестованные зашевелились, тюремщик пошел к решетке, и Фабиано сразу присмирел.

— Ну-ну. Все в порядке.

Но что-то не давало ему покоя. Что, он и сам толком не знал. Спросить бы у сеу Томаса с мельницы: тот

читал книги и знал, что к чему. Сеу Томас разобрался бы в его злоключениях. А он человек темный, ничего не смыслит в этих делах. Он только хочет поскорей вернуться домой да завалиться спать. И чего приставать к человеку, который хотел лишь отдохнуть? Приставал бы к другим. Да разве у желтого есть хоть капля храбрости? Фабиано попытался представить себе, как он набрасывается в степи на кангасейро¹, и ему стало смешно. Нет, не того полета птица.

Снова ему припомнился родной дом. В кухне над очагом, сложенным из камней, варится еда. Витория солит ее. Он опять развязал сумки — мешочек с солью был на месте. Витория пробует суп, зачерпнув кокосовой поварешкой. Фабиано опечалился при мысли о жене, сыновьях, о собачонке, которая была членом их семьи и все понимала, как человек. Во время бегства от жестокой засухи, когда они голодали, Кит принес полевого зверька. Теперь пес стареет. Витория, наверное, беспокоится о муже, подходит к дверям и подолгу прислушивается. Петух бьет крыльями, козы блеют в загоне, позвякивают бубенцы на коровах...

Если бы не желтый полицейский... Да, так о чем он думал? Фабиано взглянул через решетку на улицу. Ух, какая темень! Фонарь на углу потух: видно, туда налили совсем мало керосина.

Бедная Витория не находит себе места, кругом темно. Ребята придвинулись к самому пламени, Кит настороже. В кастрюле кипит суп. На палке, воткнутой в стену, висит пустая жестяная лампа.

Фабиано чувствовал себя таким усталым и разбитым, что, несмотря на все невзгоды, задремал. Рядом что-то бормотал пьяный; какие-то люди сидели на корточках около огня, густой дым от костра наполнял камеру. Арестанты переговаривались, жалуясь на сырые дрова.

Вакейро засыпал; отяжелевшая голова его клонилась на грудь. Надо было все-таки купить керосина у сеу Инасио. Такой же густой дым ест глаза Витории и детям. Фабиано внезапно вскочил. Уж не сошел ли он с ума и не перепутались ли у него в голове люди и со-

---

¹ Кангасейро — крестьяне, объединявшиеся в вооруженные отряды и нападавшие на богатых землевладельцев.

бытия? Может, во всем виновата кашаса? Нет! Он выпил только стакан, вот столечко. Если бы ему дали время, он рассказал бы толком, как все произошло.

Прислушиваясь к бессвязной болтовне пьяного, Фабиано впал в болезненное оцепенение. И он, как этот пьянчужка, говорил в полиции бессмыслицу, нес чепуху, но такое сравнение разозлило его, и вакейро стукнул кулаком по стене. Он темный человек, неуч, поэтому и не умеет объясниться. И за это его арестовали? Как же так?

Сажать человека в тюрьму за то, что он не умеет говорить как следует? Разве кто-нибудь пострадал из-за его неотесанности? Он работал, как невольник. Расчищал колодцы, чинил изгороди, пас скот, а сам довольствовался крохотным клочком земли. В его хозяйстве все идет как надо, пусть кто хочет посмотрит. Разве его вина, что он неграмотен? Кто в этом виноват? Фабиано не знал, чему еще приписать обрушившуюся на него беду. В голове у него рождались самые неожиданные мысли. Думать было трудно. Всю жизнь он прожил около животных, а к школе и близко не подходил... Потому и не смог постоять за себя. Такая мысль с ума сведет честного человека. Если бы Фабиано обучили грамоте, он выпутался бы из этой чертовой истории. А так что?.. Ладил он только со скотиной. Конечно, сеу Томас ответил бы им как надо. К нему бы и обращались. Хороший

он был человек, умный. А Фабиано, видно, так и останется темным и забитым. Выше головы не прыгнешь.

О чем он думал? Забыл... Снова перед глазами возникла дорога. Они шли, чуть не падая от голода. Ноги у малышей были тоненькие, как вязальные спицы. Витория сгибалась под тяжестью сундучка с жалким скарбом. На берегу реки им пришлось съесть попугая, который не умел говорить. Что поделаешь? Другого выхода не было... А сам Фабиано разве объяснялся с людьми как полагается? Он коверкал слова, употреблял их невпопад. Он и сам понимал, что говорит чепуху, но не мог выразить то, что хотел... Если бы он это мог, то разнес бы в пух и прах всех желтых полицейских, избивающих беззащитных людей. Он ударил себя по голове, стиснул ее руками. Что за люди скорчились там у огня? Зачем вопит пьяный как сумасшедший? Чего дерет понапрасну горло? И вдруг Фабиано захотелось самому закричать изо всех сил, что все эти людишки — жалкие ничтожества. Он услышал тонкий голосок. Кто-то в женской камере плаксиво жаловался на блох, — уличная девка, конечно. Фабиано хотелось, чтобы и судья, и смотритель, и викарий, и сборщик налогов из префектуры услышали, что никто здесь ни на что не годится. Сам он, люди у огня, пьяный, женщина из соседней камеры — все они мелкая сошка, только и умеют, что побои сносить. Вот об этом ему хотелось кричать.

В нем горел какой-то огонь, он сжигал душу. Да, он был вот здесь, в груди. Что с ним? Надо отдохнуть. Страшно болел лоб, видно, после побоев. Ныла вся голова. Казалось, мозг объят пламенем.

Бедная Витория, у самой на душе кошки скребут, а она успокаивает детей. Кит примостился у печки. Если бы не они...

Только теперь Фабиано наконец понял, что его удерживало: семья. Он терпеливо сносил издевательства, словно привязанный к столбу бык, когда его жгут раскаленным железом. Если бы не семья, желтый полицейский не посмел бы оскорбить вакейро. Мысль о жене и детях отняла у него силу. Иначе он не дал бы себя в обиду и бросился бы на желтолицего, как ягуар. Фабиано схватил бы ружье и уложил полицейского на месте. Нет, не стоит об него и руки марать. Фабиано убил бы его хозяев. Он ушел бы к кангасейро и начал сеять

смерть среди тех, кто командует желтыми полицейскими. Чтобы ни одного не осталось. Вот какие мысли сверлили его мозг. Но что будет тогда с женой, с детьми, с собачонкой Китом?.. Крик Фабиано испугал пьяного, людей у костра, тюремщика и даже женщину из соседней камеры. Тяжела его доля. Но он должен покориться ей. Витории не спится, наверное, на жесткой кровати. Дети его вырастут такими же забитыми, как их отец. Придет время, они станут охранять хозяйский скот, а желтые полицейские будут их бить и притеснять.

Глава IV **ВИТОРИЯ**

Витория сидела на корточках у очага, подобрав подол узорной юбки. Она раздувала огонь. Пепел с головешек летел ей в лицо, глаза щипало от дыма. Она вытирала слезы тыльной стороной ладони. Ожерелье из синих и белых четок внезапно стукнулось о кастрюлю. Витория зажмурилась, сунула бусы за пазуху и с еще большим упорством продолжала дуть так, что щеки у нее чуть не лопались. Язычки пламени нехотя лизали поленья, угасали и снова разгорались; наконец они высоко взметнулись над очагом. Только тогда Витория выпрямилась и начала раздувать огонь маленькими самодельными мехами. Снопы искр посыпались на Кита. Свернувшись калачиком, пес дремал в тепле; запах еды навевал на него сон. Почувяв жар от огня и заслышав треск пылающих дров, Кит проснулся и осторожно отодвинулся подальше от опасного пламени. Он издали наблюдал за красными звездочками, гаснущими на лету. Кит вильнул хвостом, и ему захотелось поделиться своим восхищением с хозяйкой. Несколько коротких прыжков — и он очутился перед Виторией. Подражая людям, пес встал на задние лапы. Но Витории было не до похвал.

— Пошел прочь!

И она пинком отшвырнула собаку. Кит отошел, затаив обиду.

В то утро Витория встала с левой ноги. Ни с того ни с сего она заговорила с мужем о кровати. Фабиано, не ожидавший такого разговора, что-то невнятно про-

мычал и умолк, убежденный, что женщина — существо непостижимое. Перебравшись в гамак, он снова уснул. Витория рвала и метала. Она никак не могла найти, на чем бы сорвать зло, и ей оставалось только жаловаться на жизнь. Тут подвернулся Кит, и Витория выместила на нем свое раздражение.

Подойдя к низенькому окошку на кухне, она стала смотреть на сыновей. Вымазавшись в глине, они возились во дворе на дне ямы. Малыши с увлечением лепили из глины быков и ставили их сушиться на солнышке. Витории не к чему было придраться и задать им трепку. Снова она подумала о том, что не давало ей покоя. Конечно, кое-как они привыкли к своей жесткой постели; но ведь куда лучше спать по-человечески. Вот уже больше года, как она твердит мужу о новой кровати. Фабиано, в общем, соглашается с ней и начинает долго и путано высчитывать: столько-то надо на обивку, столько-то на каркас, можно сэкономить на одежде и керосине. Витория считала, что это немыслимо. Они одевались плохо, а у ребят и вовсе ничего не было. С наступлением темноты все спешили в дом, спасаясь от вечернего холода. Лампу почти не зажигали. Они тщето думали, как бы еще сократить свои расходы. Но ничего не приходило в голову. Витория вышла из себя и напонила мужу про деньги, которые он растранирил на ярмарке. Обидевшись, Фабиано попрекнул ее лакированными туфлями, дорогими и ненужными. Витория надевала их по праздникам. Она прихрамывала в них, подпрыгивала, словно попугай, и была просто смешна. Так он и сказал. Сравнение это больно задело Виторию, и, если бы не уважение к мужу, она не стала бы сдерживаться. Туфли и в самом деле жали ноги и натирали ей мозоли. Взгрозившись на высокие каблуки, она, должно быть, и впрямь выглядела комично, но слова Фабиано огорчили ее до слез.

Мало-помалу горечь обиды растворилась, и снова мысли ее обратились к желанной кровати. Однако сегодня у Витории было плохое настроение, и мысль о кровати казалась ей несбыточной мечтой. Войдя в комнату, она проскользнула под гамаком, где похрапывал Фабиано, взяла из стеной ниши трубку, лист табака и вышла под навес. Где-то у реки позвякивал колокольчик рыжей коровы. Фабиано, наверное, забыл полечить

ее. Витория решила разбудить мужа и спросить его об этом, но отвлеклась, засмотревшись на кактусы, растущие на голой равнине. Знойный сухой ветер струился над выжженной землей. Витория подумала о засухе и содрогнулась от ужаса; ее смуглое лицо побледнело, черные зрачки расширились. Она поспешила отогнать зловещие мысли, боясь, как бы не возвратилось прошлое. Шепотом она начала молиться и постепенно успокоилась. Внимание ее привлекла дырка в козьем загоне. Растерев огрубевшими ладонями табачный лист, Витория набила глиняную трубку и принялась чинить изгородь, потом, обойдя кругом дома, вошла в кухню.

«Видно, Фабиано забыл о рыжей корове», — подумала она. Присев на корточки, Витория стала раздувать огонь, выхватила ложкой уголек, разожгла трубку и закурила, посасывая почерневший мундштук. Она выпула трубку из рта и плюнула в окно. Плевков долетел до палисадника. Вдруг ей в голову пришла нелепая мысль: если еще раз удастся доплюнуть до палисадника, кровать будет куплена в этом году. Набрав побольше слюны, Витория изловчилась и плюнула. Но плевков не долетел. Она попыталась еще раз — напрасно. В горле у нее пересохло. «Все это глупости», — решила она, чтобы утешить себя. Витория отошла в угол, где на треножной подставке возвышался кувшин, и выпила кружку воды. Вода была солоноватой.

И почти одновременно она подумала о двух вещах — о кастрюле и о водоеме. Мысли путались. Приставив указательный палец к виску, Витория застыла в нерешительности. О чем же она думала? Стараясь припомнить, она взглянула на утрамбованный пол, увидела свои ноги: широкие, словно расплюсченные ступни, растопыренные пальцы. Ах да, водоем пересыхал, и она забыла посолить похлебку. Она подняла крышку, клубы пара ударили в лицо. Еще немного — и все бы выкипело. Подлив воды, Витория помешала суп, зачерпнула кокосовой поварешкой и попробовала — какая гадость! Она подошла к полке, где хранилась провизия, развязала мешочек с солью, зачерпнула горстку и бросила в кастрюлю. Теперь можно было подумать и о водоеме. Там оставалось лишь немного мутной воды. Даже скотина не хотела ее пить. Витория боялась только засухи. Она снова взглянула на свои натруженные ноги. Конечно,

она не привыкла ходить в туфлях, но на-смешка Фабриано не давала ей покоя. Прыгает, как попугай. Разве одна она так ходит? Зачем срамить человека? Ей было неприятно сравнение с попугаем. Бедная птица! Витория несла ее в клетке, покачивающейся на жестяном сундучке. Попугай произносил, заикаясь: «Мой хорроший». И это все, что он умел говорить. Он только покрикивал, как погонщик скота, или лаял, подражая Киту. Бедняга! Витория не хотела вспоминать о нем. Она обо всем забыла, словно вновь родилась в тот момент, когда они добрались до фазенды. Разговор о туфлях разбредил старую рану, и снова ей представился тяжелый путь по катинге. Альпаргаты истерлись об острые камни. Усталая, полуживая от голода, она тащила сынишку, сундучок и клетку с попугаем. Нет сердца у Фабриано. Она посмотрела на ноги, снова вспомнила о попугае. Ей пришлось прикончить его, чтобы накормить семью. Муж рас-

сердился на нее за это. Уставившись на собаку, он шел, качаясь, словно пьяный. Зачем Фабиано вздумалось говорить о попугае? Подойдя к порогу и окинув взглядом желтую листву деревьев, она тяжело вздохнула. Бог не допустит нового несчастья. Витория огляделась по сторонам, подыскивая себе занятие. Она взяла большую чашку и долила воды в черепок, из которого пили куры, поправила насест в курятнике. На обратном пути она полила растения в горшках. Потом стала звать домой ребятишек, измазавшихся в глине по уши.

— Ах вы, бесстыдники, вымазались, как поросята,— запричитала Витория, увидев их.

Ребята прибежали и тут же затеяли возню. Они начали кататься по полу, заворачиваясь в циновки. Витория вернулась на кухню, села поближе к очагу и зажгла трубку. В кастрюле варилась еда. Жаркий ветерок шевелил паутину на потолке. Кит под настилом ловил мух, щелкая зубами. Отчетливо слышалось мерное, спокойное похрапывание Фабиано. «Может быть, все обойдется и засухи не будет?» — утешала себя Витория. Вновь она принялась мечтать о настоящей кровати. Но воспоминание о попугае назойливо вплеталось в ее мечты. Ей стоило больших трудов отогнать мрачные мысли и сосредоточиться на желанном. Все здесь было привычно, обыденно. Спящий Фабиано, потрескивающий огонь, звон бубенцов, даже жужжание мух вызвали у нее ощущение спокойной уверенности. Но неужто им всю жизнь придется спать на кровати из жердей? Как раз посередине ложа торчал огромный сук, и ей приходилось жаться к одному краю, а Фабиано к другому. Раньше Витория не чувствовала неудобства. Уставшая, измотанная работой, она готова была спать хоть на гвоздях. Но вот настали лучшие времена. Фабиано и его семья ели досыта и даже начали поправляться. Но у них ничего не было за душой — если бы, не дай бог, пришлось уходить, то Фабиано и Витория захватили бы с собой лишь одежду, ружье, жестяной сундучок да разную мелочь, все-таки они чувствовали себя почти счастливыми, слава богу, и хозяин им доверял. Не хватало только кровати. Мысль о ней не давала покоя Витории. Теперь она меньше уставала в хлопотах по дому и мечтала в предрассветные часы. А привычка ложиться спать, как стемнеет? Так жить не годится, ведь они не куры.

Тут ход ее мыслей несколько изменился: лиса утащила у нее рябенку курицу, самую жирную. Витория решила сделать западню возле насеста и поймать хищницу. Лиса поплатится за ее курочку. Витория так рассердилась, что даже вслух обозвала лису воровкой.

Теперь Виторию раздражал храп Фабиано. Ну кто так храпит? Не мешало бы ему подправить их ложе да подыскать новую жердь или хотя бы повернуть эту проклятую палку. Она вздохнула. Нет, никогда им не договориться. Лучше помечтать о новой кровати, такой, как у сеу Томаса. У него была чудесная кровать, сделанная настоящим столяром. Вот где можно было понежить свои косточки.

А если она продаст кур и свиней? Как на грех, распроклятая лиса украла самую жирную курицу. Надо проучить бесстыдницу. Витория встала и пошла в чулан. Вернулась она оттуда расстроенная, обескураженная; присела на низенький подоконник в кухне. О чем она думала? На деньги от продажи кур и свиньи можно купить разве что керосину. Советоваться с мужем бесполезно, он сразу воодушевляется, строит множество планов и мигом остывает. Витория нахмурилась: она-то знала, что Фабиано достаточно просто помечтать о новой кровати, а ей хотелось сейчас же иметь точно такую же кровать, как у сеу Томаса с мельницы.

Глава V **МЛАДШИЙ СЫН**

В тот самый вечер, когда отец вошел в загон, взнуздал и усмирил гнедую кобылу, в голове у младшего сына и зародилась мысль — вернее, смутное желание — совершить нечто такое, что поразило бы старшего брата и Кита.

В тот вечер Фабиано вызывал у него безграничное восхищение. Одетый в кожаную куртку, передник и краги, отец казался ему самым важным человеком на свете. Шпоры Фабиано звенели на весь двор, а поля шляпы, лихо сдвинутой назад, придавали значительность и силу его загорелому, обветренному лицу.

Лошадь стояла под седлом. Витория удерживала ее, схватив за уздечку. Вакейро подтянул подпругу и не

спеша оглядел сбрую: все ли в порядке... Лошадь вдруг лягнула Фабиано, но он увернулся, и копыто, скользнув по груди, только порвало куртку. В то же мгновение Фабиано вспрыгнул на перекладину загона и метнулся в седло, жена отпустила лошадь, и та вихрем вылетела в каатингу.

Малыш чуть не вывихнул себе руки, карабкаясь на ворота загона, чтобы посмотреть на отца, но ему удалось увидеть только тучу пыли, поднимающуюся в зарослях кустарников. Он сидел на воротах до тех пор, пока лошадь не прискакала обратно и не заметалась по двору так, словно в нее вселился сам черт. Вдруг у кобылы лопнула подпруга, и Фабиано упал. От испуга мальчик закричал и чуть было не свалился с перекладины, но тут же успокоился. Отец быстро поднялся с земли и, прихрамывая, кинулся вслед за лошадей. По бокам ее бились стремяна, и шпоры Фабиано звенели.

А в это время Витория на скамейке под навесом спокойно курила трубку и искала в голове у старшего сына. Младший никак не мог примириться с таким равнодушием. Он бросился будить Кита. Лениво развалившись, собака дремала. Мальчик принялся тормошить ее, но Кит приоткрыл один глаз, зевнул и снова задремал, положив голову на камень.

— Вот глупая собака, только о себе и думает, — возмутился малыш. Он поплелся к матери и начал тереть ее за рукав. Ему очень хотелось поговорить с кем-нибудь. Мать прикрикнула на сына, но он не отставал, и Витория дала ему подзатыльник. Обидевшись, малыш отошел и прислонился к одному из столбов навеса. Теперь все вокруг показалось ему бессмысленным и злым. Медленно побрел он к хлеву, где блеяли козы. Они так смешно сопели, втягивая носом воздух, так забавно поднимали острые мордочки, что мальчик сразу забыл и о ленивом Ките, и о сердитой матери. Он думал лишь о своем смелом, бесстрашном отце.

Он уже не помнил обиды и подзатыльники, и восторг захлестнул его ребячью душу. Несмотря на страх, он тихонько подобрался к отцу, потерся о краги, потрогал полы куртки. Мальчик восхищался всем: курткой, передником, шпорами, шляпой и даже ее ремешком. Но Фабиано, не обращая внимания на сына, отстранил его и пошел в дом переодеться. Малыш лег на циновку,

завернулся в нее и закрыл глаза. Отец такой ловкий и сильный. На земле без своих кожаных доспехов он не казался таким могучим, но верхом на гнедой кобыле он был просто страшен. Мальчик заснул. Во сне он увидел, как в зарослях кустарников поднялась туча пыли; мать, сидя под навесом, искала в голове у брата; Кит дремал, примостившись возле камня.

На следующий день все эти картины стерлись в его памяти. Жуазейро во дворе показались ему очень темными. Почему они такие? Но, едва приблизившись к хлеву и увидев старого злого козла с раздутыми ноздрями, он сразу вспомнил все, что случилось накануне. Пригнувшись, малыш бросился к жуазейро, стараясь различить следы гнедой кобылы.

За завтраком Витория отругала сына:

— Совсем от рук отбился, сорвиголова!

Малыш встал и отправился в другую комнату — еще раз полюбоваться на краги, передник и куртку. Оттуда он пошел к хлеву, там-то и родилась его затея: у всех на виду проехать верхом на козле, будто козел уже не козел, а гнедая кобыла, а он восседает на ней вместо отца.

Малыш прошелся перед хлевом, переваливаясь с ноги на ногу, как гриф урубубу, — ведь так ходит отец. Как ему хотелось поведать кому-нибудь о своем плане! Сказать брату или нет? Он, наверное, начнет смеяться, дразнить, да еще наябедничает матери. Младший сын больше всего боялся насмешек и издевательств, а если о его выдумке узнают взрослые, не миновать ему взбучки. Конечно, он не Фабиано. Ну, а если вдруг станет таким же? Да, надо всем доказать, что он такой же сильный, как отец. Он начал прохаживаться вразвалку, поджидая, когда брат с помощью Кита погонит коз к водопою. Отворились ворота, тяжелый запах разнесся вокруг, зазвенели бубенцы... И тут же белая рубашка замелькала по двору. Мальчик пробежал мимо жуазейро, мимо камней, где валялись дохлые гадюки, кубарем скатился по склону холма и выскочил наконец на берег реки.

Там уже толпились козы; они тыкались мордами в воду и сталкивались рогами. Кит с громким лаем бегал около них. Малыш вскарабкался на обрыв; сердце его тревожно билось, и он никак не мог дождаться, когда же к воде подойдет козел. Спору нет — дело он задумал

рискованное, но ему казалось, что стоит только очутиться верхом на козле, и он тут же вырастет и станет таким же, как отец. В нерешительности мальчик сел на землю. А вдруг козел сбросит его? Он пошел прочь от водопоя, почти отказавшись от своей затеи. И тут засмотрелся на стайку попугаев, которые порхали над деревьями. Вот бы ему такого. Он посадил бы его в клетку и стал кормить. Попугаи со свистом унеслись, и малыш загрустил. Он начал рассматривать небо, окутанное облаками. Вот маленькие облака, совсем как барашки. Но вдруг они расплываются и становятся похожими на неведо-

мых странных зверей. Совсем близко проплывают, почти слившись, два облака: одно как гнедая кобыла, другое точь-в-точь как Фабиано.

Глаза устали от яркого света. Он потер их рукой и снова подкрался к обрыву. Внизу виднелось сгрудившееся стадо, слышался треск сталкивающихся рогов. Если козел уже напился — все пропало. Малыш оглядел застиранную, рваную рубаху, взглянул на свои тонкие ножки. Потом посмотрел на небо: облака казались

ему живыми существами, они не дадут его в обиду. Вот хотя бы это облако, похожее на большого попугая. Вскочив, мальчик заблеял, как коза. Он звал брата и собаку. Никто не обращал на него внимания, и малыш разозлился. Ах, так! Сейчас он покажет им, что такое смелость.

Вот старый козел подошел в водопой и начал пить. Малыш тотчас же скатился с обрыва, вскочил козлу на спину и утонул в мягкой шерсти. Он попытался удержаться, упираясь изо всех сил пятками. Козел швырнул его куда-то вперед, потом мальчик снова очутился на его хребте; козел мчался, делая огромные прыжки, и, наверное, ускакал невесть куда. Мальчик соскользнул у него со спины, но сильный толчок вернул ему равновесие. Так он носился верхом на козле, растопыбив ноги и беспомощно махая руками. Вдруг он съехал козлу на шею, перевернулся в воздухе, пролетел над рогами, окончательно порвав рубаху, и растянулся на песке. Он долго лежал не шевелясь. У него звенело в ушах, и он начинал смутно понимать, что его затея бесславно провалилась. Он увидел облака, ползущие по небу, и рассердился: что же они не помогли ему! Малыш загляделся на пролетавших птиц. В своей кожаной куртке отец был похож на грифа урубубу.

Мальчик сел и ошупал тело: оно ныло, как будто после побоев. Он с яростью посмотрел на брата и Кита. Они-то должны были его предупредить. Но жалости ждать было неоткуда. Брат хохотал как помешанный, а Кит явно не одобрял его сумасбродного поступка. Малыш почувствовал себя одиноким и беззащитным. Он поднялся и заковылял к изгороди, окружавшей водопой, прислонился к ней и стал смотреть на грязную, мутную воду; сквозь дыру в рубахе он почесал грудь. Топот коз затих. Издали доносился лай Кита. Мысли мальчика вновь обратились к облакам: что-то с ними стало? Наверное, одни облака по-прежнему похожи на барашков, а другие превратились в непонятных чудовищ. Мальчик подумал было об отце, но постарался скорее забыть о нем. Родители обязательно накажут его за такую нелепую затею — сесть верхом на козла. Он взглянул на небо: взошла луна, полная и светлая, а рядом с ней совсем незаметная, крохотная звездочка. На лугах, наверное, спят сейчас попугаи, прикрывшись на

сухих кукурузных стеблях. Как ему хочется попугайчика! Малыш опустил голову, и взгляд его упал на темную лужу, из которой пил скот. Сквозь песок просачивались струйки воды, словно из вскрытых артерий животных. Ему представились туши убитых коз. Они висели на перекладине под навесом. С них стекала кровь.

Боль обиды мало-помалу стихала. Пора было идти домой. Он обязательно вырастет и станет таким же большим, как отец. Он тоже будет носить на поясе огромный нож и убивать колотушкой коз. И он, как отец, станет курить самодельную сигару и носить башмаки из сыромятной кожи.

Взобравшись на холм, малыш медленно, вразвалку подошел к дому. Когда он станет взрослым, то непременно будет ходить вот так, неуклюже переваливаясь, с важным видом, а шпоры на его сапогах будут звенеть. Он во всем будет подражать отцу: вскочит верхом на дикого скакуна и, точно ветер, полетит по степи, вздымая за собой пыль. А вернувшись, ловко спрыгнет на землю и пойдет, так же степенно покачиваясь на ходу, как отец. Вот когда удивятся старший брат и Кит.

Глава VI

СТАРШИЙ СЫН

Витория не тратила времени на разговоры со старшим сыном. Он никогда раньше не слышал о преисподней, и когда синья¹ Терта упомянула при нем такое странное слово, мальчик удивился и спросил у матери, что оно означает. Витория, которой было не до объяснений, пробормотала что-то невнятное; когда же сын стал приставать к ней с расспросами, она только пожала плечами.

Мальчик направился к отцу. Тот сидел в комнате на полу и вырезал из кожи подметку.

— Ставь сюда ногу, — приказал отец.

Сын повиновался, и Фабиано принялся снимать мерку для сандалий: он провел ножом одну полосу за пяткой,

---

¹ Синья — сокращенно от обращения «сеньора».

другую — у большого пальца и быстро очертил форму подошвы, затем хлопнул в ладоши.

— Иди отсюда.

Мальчик отошел в сторону. Он походил вокруг и наконец решился задать мучивший его вопрос. Но ответа так и не получил. Малыш вернулся на кухню, подошел к Витории и уцепился за материнскую юбку.

— А что там, в преисподней? — не унимался он.

Мать рассказала ему о раскаленных крючьях, о кострах, где поджаривают грешников.

— Ты сама это видела? — удивился он.

Витория рассердилась и подумала, что сын дразнит ее. Она дала ему основательную затрещину. Мальчик обиделся и убежал. Он спрятался в кустарнике на берегу высохшей реки.

Верный Кит прибежал его утешить. Как обычно, пес дремал у очага, свернувшись клубком. Он ждал, когда ему дадут кость. Может быть, и не сейчас, но когда-нибудь он ее непременно получит. Кит доверчиво глядел на хозяйку, он был уверен, что в кастрюле лежит огромная кость. Ни за что на свете он не отказался бы от своего желания — получить ее. Даже пинки, которые он частенько получал ни за что ни про что, не мешали Киту мечтать о еде. Его разморило, и он задремал.

Услышав, что Витория ударила сына и прикрикнула на него, Кит очнулся от сладкой дремоты, вероятно,

дома что-то произошло. На всякий случай пес притаился в углу, за деревянной колотушкой, спрятавшись между кувшинами и корзинами. Потом он высунул морду и с опаской огляделся по сторонам: все было спокойно, лишь теплый ветерок веял с реки. Тогда он осторожно проскользнул вдоль стены, выпрыгнул из низенького окошка на кухне, шмыгнул через двор и у засохших кустарников наткнулся на своего друга; малыш горько плакал. Чтобы развеселить его, пес принялся скакать и прыгать вокруг, виляя хвостом: стоило ли так огорчаться? Но мальчик не успокаивался, и Кит, задыхаясь, продолжал развлекать его. Наконец его друг, кажется, понял, что слезами горю не поможешь. Он сел на землю, Кит примостился рядом, и мальчик тихонько, почти шепотом начал рассказывать ему о своих невзгодах. У него было в запасе ненамного больше слов, чем у бедного попугая, что погиб во время засухи; поэтому он больше размахивал руками и прищелкивал языком, чем говорил, а Кит в ответ вилял хвостом.

Мальчику взгрустнулось: никому-то он не нужен. Один Кит любит и понимает его. Он гладил собаку своими худыми грязными пальцами, и Кит замирал от удовольствия. Он словно погружался в теплую золу, которую только что выгребли из очага. Лаская собаку, мальчик прижался щекой к ее морде и заглянул ей прямо в глаза.

Вместе с братом он сидел в яме и преспокойно лепил из глины фигурки зверей. И дернула его нелегкая пойти к матери и спросить о непонятном слове. Только попало лишний раз. Во всем виновата синья Терта. Накануне она пришла заговаривать нарыв, вздувшийся на шее у отца. Шамкая беззубым ртом и покуривая неизменную свою трубку, старуха произнесла то самое диковинное слово. Он был уверен, что всякое слово обозначает определенный предмет, и его удивило, когда мать упомянула про какое-то ужасное место, про костры и крючья.

Всюду было хорошо: в загонах для скота, в яме с глиной, во дворе и около водопоя. Он прекрасно знал этот мир, где обитали близкие ему живые существа. Вдалеке виднелась гряда гор, синеватая и неприступная, совсем рядом — невысокий холм, где Кит охотился за тушканчиками. По каатинге во все стороны разбегались

чуть приметные тропки, то здесь, то там виднелись островки леса, вставали непроходимые заросли кустарников. Жизнь была ключом. Окружающий мир казался мальчику царством неведомых таинственных существ, а камни и растения во многом, по его мнению, походили на людей: они жили в согласии и иногда даже помогали друг другу. Конечно, существовали и злые силы, но добро всегда побеждало. И когда отец объезжал дикого скакуна, добрые духи помогали ему удержаться в седле, указывали безопасный путь, оберегали от колючих ветвей.

Не всегда, правда, семье Фабиано хорошо жилось в каатинге. Когда-то им пришлось бежать от злой засухи. Мальчик отчетливо помнит, как они шли по каатинге, усталые и голодные. Мать несла младшего брата и жестяной сундучок, отец — ружье. Кит настолько отощал, что ребра у него просвечивали сквозь редкую шерсть. Сам он тогда упал на раскаленную землю. В глазах у него потемнело, кактусы куда-то исчезли. Он даже не чувствовал боли от ударов. Вот когда мир был ужасен. Но потом все уладилось, вернее сказать — зло покинуло их. В кухне на полке появились ломти вяленого мяса, жажда перестала мучить людей. Вечером телята бежали к водопою. Камни и белые кости, разбросанные кругом, превращались для малыша в духов, которые населяли холмы, перелески и далекие горы. Все это трудно было выразить словами, и мальчик то и дело вставлял в свой рассказ ему одному понятные восклицания; он подражал реву зверей, шуму ветра и шелесту листьев. Внезапно ему пришло в голову, что надо бы заучить слово «преисподняя». Оно, верно, очень важное, раз его произнесла синья Терта. Он его хорошенько запомнит, а потом как-нибудь скажет при младшем брате и Ките. Кит, конечно, останется равнодушен к его познаниям, но зато брат будет завидовать, в этом можно не сомневаться. Мальчик несколько раз повторил вслух: «Преисподняя, преисподняя». Ему не верилось, что такое звучное слово означает что-то плохое, и он решил лучше расспросить мать. Если бы она ему сказала, что сама была в преисподней, тогда дело ясное: мать являлась для него непререкаемым авторитетом. Если бы Витория сослалась на кого-нибудь другого, он бы и тут поверил ей. Но она даже не пыталась убедить его в правоте

своих слов, а просто дала затрещину. Это казалось ему нелепым. Он считал, что единственная причина подзатыльников — плохое настроение взрослых, и поэтому всегда был начеку. Прежде чем подойти к родителям, мальчик издали приглядывался к ним. Ему показалось, что мать в хорошем настроении, и только поэтому он и спросил ее о преисподней. Все это он пытался втолковать собаке, подкрепляя свои доводы восклицаниями и энергичными жестами. Киту непонятно было такое обращение. Он вытянул лапы, закрыл глаза и зевнул. Для него, например, пинки были неприятны, однако без них не обойдешься! И спастись от них можно лишь бегством. Но когда его пребольно пинали ногой и он, визжа, отлетал в сторону, ему хотелось кусать людей, кусать всех без разбора. Он прятался в кусты и там постепенно успокаивался: попробуй-ка отомсти! И зачем только его друг принимает все так близко к сердцу? Кит потянулся и снова зевнул. Мальчик чмокнул собаку в мокрый нос и начал убаюкивать ее. Мысли его витали уже далеко, у синих гор и зарослей кустарников. Он часто слышал от отца, что в горах есть пещеры, где обитают красные ягуары, а в густом кустарнике сквозь кружево колючек выглядывают приплюснутые змеиные головы.

Мальчик счистил глину, приставшую к рукам. Он подумал о вылепленных фигурках, оставшихся у ямы, и опять вспомнил злосчастное слово. Ему стало обидно, и он попытался убедить себя, что ничего не спрашивал у матери, а следовательно, она и не ударила его по затылку.

Малыш поднялся с земли. Ему опять взгрустнулось. В кухонном окне то и дело мелькала голова матери. Он отошел подальше от дома и устремил свой взгляд на далекие горы. Вершины их скрывались в облаках. Когда стемнеет, горы сольются с небом и звезды опустятся на них. Но разве звезды могут оказаться на земле?

Кит проснулся и подбежал к другу. Он обнюхал его, лизнул и улегся рядом.

«Разве звезды могут попасть на землю?» — печально подумал мальчик. Наверное, мать сказала неправду. В преисподней полным-полно красных ягуаров и змей, и люди то и дело получают там подзатыльники, их дерут за уши и сильно бьют.

Ему никак не удавалось забыть о своих горестях. Убеждая себя, что ничего не случилось, он старался думать о звездах, которые зажгутся на горах. Но пока не стемнело, звезды были потушены. Старший сын вдруг почувствовал себя очень одиноким и беззащитным. Он посмотрел на свои грязные руки с тонкими пальцами и принялся выводить на песке какие-то загадочные знаки. Почему все-таки мать так сказала о преисподней? Он порывисто обнял собаку. Ей это не понравилось. Она любила свободу и предпочитала сейчас думать о еде. Кит втянул ноздрями воздух: ему почудился запах супа; громадная кость то всплывала, то вновь исчезала в кастрюле. Это виденье не оставляло голодного пса.

Мальчик продолжал тискать Кита. Тот съежился, но терпеливо сносил ласки, чтобы не обидеть друга. Кит любил малыша, но сейчас его запах перебивал запах еды, доносившийся с кухни. Наверное, в кастрюле варится кость, большая мозговая кость, с кусочками мяса.

Глава VII

ЗИМА

Вся семья собралась у огня. Фабиано сидел на колодушке. Витория, скрестив ноги, устроилась на полу, около нее прикорнули сыновья. Кит не сводил глаз с угольков, теплившихся под золой.

Было очень холодно. Лил дождь. Ветер сотрясал ветви деревьев, и рокот реки становился все явственнее, напоминая раскаты отдаленного грома. Фабиано от радости даже потерял руки: наконец-то пошел дождь! Он подтолкнул ногой рассыпавшиеся головешки поближе к огню. Взметнулось облако пепла, затрещали дрова, и круг света на мгновение расширился, выхватив из темноты Фабиано, Виторию и съежившихся у нее на коленях ребят. Время от времени дети меняли положение и подставляли огню то один, то другой бок. Они замерзали, пронизывающий ветер дул во все щели. Холод не давал заснуть: сон сковывал веки, но тут по телу пробежал озноб, и ребята еще ближе придвигались к огню. Они прислушивались к беседе родителей. Правда, назвать беседой ее было трудно. Время от времени звучали короткие, односложные фразы, и опять

надолго воцарялась тишина. Часто они вспоминали о прошлом. Ни Фабиано, ни его жена не прислушивались хорошенько к тому, что говорит каждый из них. Они думали о своем и, дав волю воображению, мечтали вслух. Смутные, теснившиеся в душе образы ускользали, словно тени. Удержать их было невозможно. Фабиано и Витории не хватало слов, и они заменяли слова громкими восклицаниями и выразительными жестами.

Фабиано снова потерял руки и начал рассказывать какую-то путаную историю. Но теперь, когда огонь еле теплится и освещал лишь ноги отца, понять то, что он

говорил, было трудно. Старший сын напрягал слух. Если бы он видел лицо Фабиано, то разобрался бы в рассказе. Но в такой темноте разве что-нибудь уразумеешь? Он встал и принес охапку дров. Витория похвалила его, но Фабиано это не понравилось: «Всякое уважение к отцу потерял»,— ему ведь пришлось прервать рассказ. Рука его инстинктивно поднялась, чтобы наказать мальчишку. Малыш ловко ускользнул и спрятался за материнскую юбку, ища защиты у Витории, которая тут же вступилась за него:

— Как тебе не стыдно, Фабиано, грубый ты человек!

Витория помешала угли черенком поварешки и положила мокрые поленья так, чтобы они быстрее разгорелись. Муж взялся помогать ей. Он присел на корточки и изо всех сил принялся раздувать огонь. Клубы дыма наполнили кухню. Все закашляли, стали тереть глаза. Витория пустила в ход самодельные маленькие мехи, и через минуту пламя взвилось между камней.

Освещенное пространство расширилось, огонь озарил силуэты людей. Свет падал лишь на ноги Фабиано, очертания его фигуры расплывались. Красноватые отблески то и дело рассекали мрак. Вакейро продолжал свой рассказ. Фабиано был в хорошем настроении. Вода затопила заливные луга и подобралась к деревьям, теперь они затоплены. Позже, когда на них появятся листья, вода поднимется еще выше и подмоет обрывистые берега.

Пройдет немного времени, и разбушевавшаяся стихия уgomонится. Фабиано не думал об этом. Пока наводнение усиливалось, потоки воды заливали пастбища и лощины, убивали зверей, но вакейро от радости потирал руки: не будет засухи, страшной засухи. Вот уже несколько месяцев они со страхом ожидали ее прихода. Каатинга высохла, пожелтела. По ночам людям снились кошмары. Но долгожданный ливень разразился. Светлая полоска рассекла небо, грянул гром. В ночной темноте клубились кровавые тучи. Ветер крепчал. Ураган вырывал с корнем огромные деревья. Сверкали молнии. Витория схватила сыновей и укрылась с ними в чуланчике. Заткнув уши, они лежали под грудой тряпья. Вдруг неистовство стихии прекратилось. Хлынул ливень. Мутные потоки несли с собой вывороченные стволы и трупы животных. Вода все прибывала, она достигла склона и грозила затопить жуазейро.

И сейчас, сидя у теплого очага, Витория с ужасом подумала: неужели вода доберется до жуазейро? Если это случится, дом окажется под водой, и им придется спастись от наводнения на холме, жить там несколько дней, как тушканчикам.

Она вздохнула, помешала дрова в очаге. А вода с шумом ударяла в стены: бам, бам.

— Дом прочный,—с надеждой твердила Витория.— Бог не допустит такого несчастья.

Бам, бам.

«Столбы крепко вбиты в землю,—утешала она себя.— Если вода хлынет в дом, она лишь размочит глину, которой обмазаны стены».

Бам, бам.

Жерди хорошо прикручены к столбам. Дом устоит под напором воды. А когда она спадет, семья возвратится. Да, придется немного пожить на холме, как тушканчикам. Но Фабиано и Витория вернутся, как только схлынет вода. Они накопают в яме глины и заново обмажут стены дома.

Бам, бам.

Витория усиленно раздвигала самодельные мехи, чтобы не слышать гула реки, который все приближался. Неужели вода еще поднимается? Мехи скрипели, а за окном тяжело вздыхала разлившаяся река, и ее вздохи замирали где-то за жуазейро. Фабиано рассказывал небылицы. Начал он довольно спокойно, но мало-помалу разошелся и стал привирать. Теперь он и сам верил в то, что говорил. Эта вера была ему необходима. Не так давно с ним на ярмарке приключилась беда: желтый полицейский подбил его на скандал, и Фабиано откололи палашами да еще бросили в тюрьму. Вакейро неделями вынашивал мысль о мщении, он уже видел, как желтый выпускает дух в раскаленной степи. Если наступит засуха, Фабиано ни перед чем не остановится: он бросит детей и жену и выпотрошит ненавистного полицейского, потом прикончит судью, хозяина и сборщика налогов. Несколько дней он ходил угрюмый, насупленный, переживая свое унижение. Но случилось иначе: ударил гром, река вышла из берегов, а теперь отовсюду хлестала вода, и ветер врывался сквозь щели в стенах. Фабиано радовался дождю и потирал руки. Холод давал о себе знать, и вакейро часто грел руки у огня.

Забыв о побоях и аресте, он рассказывал о своих отчаянных подвигах.

Река затопляла холм, она все ближе подступала к жуазейро. Фабиано этого не знал и преспокойно рассказывал про драку, из которой вышел победителем. Эта стычка ему приснилась, но он искренне верил, что так оно и было на самом деле.

Испуганные коровы сгрудились у стены дома, примыкавшей к загону. Дождь не переставая хлестал их по спинам, глухо позвякивали бубенцы.

«На новых пастбищах коровы отъедятся,—думал Фабиано.— Стада умножатся, запестреют цветами луга, и деревья оденутся в зеленый наряд. Все поправится—сам он, жена, сыновья и собачонка Кит. Может быть, тогда Витория и купит настоящую кровать. А то и впрямь спать на этой жесткой постели стало неумоготу».

Фабиано расписывал свои вымышленные похождения. Витория не выпускала из рук маленьких мехов, не давая угаснуть язычкам пламени, лизавшим мокрые поленья. Дети, чувствуя тепло с одной стороны и холод с другой, не могли уснуть и слушали отца. Вдруг они тихонько заспорили о каком-то непонятном месте в рассказе. Каждый объяснял его по-своему, и они подрались. Фабиано рассердился на них и решил было наказать обоих, но гнев его утих, и он другими словами пересказал непонятное место.

Младший брат захлопал в ладоши. Он вдруг увидел руки отца; то темные, то освещенные пламенем, они двигались над огнем. Когда на ладони падал свет, они становились ярко-красными; казалось, вакейро только что содрал шкуру с козленка. В темноте не было видно его рыжей всклокоченной бороды. Иногда Фабиано замолкал; сутулый и длиннорукий, он походил на неуклюжего лесного зверя, который всегда ходит на четвереньках.

Старший брат не видел лица Фабиано и никак не мог понять, что он говорит. Мальчик закрыл глаза, чтобы лучше разобраться в запутанной истории. Но отец рассказывал ее на новый лад — видно, события перепутались у него в голове. Малыш потянулся и зевнул. Лучше бы отец повторил непонятное место слово в слово. Они бы с братом поспорили, пусть даже подрались, но зато все стало бы на место. Старший брат вдруг при-

помнил старую игрушку, подаренную ему сеу Томасом. Он прикрыл глаза, хотелось спать, но у него мерзли руки и ноги: из щелей тянуло холодом. Мальчик подсел вплотную к очагу, оттуда он совсем не видел отца. Он снова подумал об игрушке: она давным-давно разбилась, и ему всегда хотелось плакать, когда он смотрел на никому не нужные обломки. Совсем недавно на берегу реки он строил из камушков игрушечные загоны, а теперь кругом вода, из дому не выйти. Яма, около которой они играли, до краев наполнилась водой. Вода плещет у самого дома. Чтобы выйти во двор, где лежит кухонная утварь, матери приходится проделывать длинный путь: спускаться под навес и идти по мосткам к воротам. Загоны для скота, кустарники и деревья стоят в воде. Дождь барабанит по крыше, на коровах позвякивают бубенцы, не смолкая квакают лягушки. Звон бубенцов привычен для мальчика, а вот от лягушачьего кваканья и шума дождя ему как-то не по себе. Все изменилось. И днем и ночью с неба обрушиваются потоки воды. В рощах, где обитают странные, загадочные духи, теперь хозяйничают лягушки. Их жалобные песни разносятся по окрестностям. Малыш начал было передразнивать их, но ничего у него не вышло. И много же, верно, этих лягушек в кустах. И что они там делают? Почему квакают так странно? Он никогда не видел лягушек, и ему представлялось, что они-то и есть неведомые обитатели далеких гор и непроходимых лесных зарослей. Устроившись поудобнее на коленях у матери, мальчик задремал. Витория без устали раздувала самодельными мехами огонь. Сырые дрова шипели. Временами пламя освещало лицо Фабиано, и снова в комнате воцарялась темнота.

Кит внимательно смотрел на угли и ждал, когда же наконец люди пойдут спать. Его раздражал голос хозяина; ну к чему он так шумит? Кричал бы себе в поле, со скотиной. Но зачем кричать здесь, у огня? Только понапрасну тратит силы. Кит сердился на него и никак не мог заснуть. Прежде чем лечь спать, Витория должна выгрести угли и золу из печки и подмести пол. Дети, как всегда, улягутся на циновках. Поскорей бы все угомонились. Целыми днями Кит наблюдал за людьми и никак не мог понять их. Теперь пора и заснуть. Как хорошо забыть на время о блохах, о всяких

волнениях. Как только хозяйка подметет пол, он проскользнет в очаг, свернется там и заснет в тепле. Незнакомые звуки — журчание воды, лягушачье кваканье и вздохи вышедшей из берегов реки сразу убаюкают его, и Киту всю ночь будут сниться жирные тушканчики.

Глава VIII ПРАЗДНИК

На рождественские праздники Фабиано, Витория и ребятишки отправились в город. Стояла жара. Ветер поднимал с земли тучи пыли и сухих листьев.

Фабиано и Витория заперли дом и двинулись в путь. Они спустились по склону и неуклюже, точно молодые быки, запрыгали по камням. Фабиано в белой полотняной одежде, сшитой синьей Тертой, в шляпе, при воротничке и галстук, в новых ботинках шагал, стараясь, против обыкновения, держаться прямо. Витория, в ярко-красном с разводами платье, ковыляла на высоких каблуках. Она во что бы то ни стало решила обуться, как горожанка, и теперь спотыкалась на каждом шагу. Ребята щеголяли в новых штанишках и куртках. Дома они бегали в полосатых рубашонках или совсем голые. Как-то раз Фабиано купил в лавке белого полотна и поручил синье Терте сшить ему и сыновьям по обновке. Портниха заикнулась было, что материи маловато, однако он сделал вид, будто не расслышал, а сам решил, что старуха задумала оставить часть себе. В результате куртки и штаны оказались узкими и короткими. Фабиано старался не замечать этого. Он шел впереди, расправив плечи и устремив взор вперед, на далекие горы. Обычно вакейро глядел под ноги: как бы не споткнуться о камень или не попасть случайно в яму. Непривычная осанка утомляла его. Как только они вышли на берег реки, Фабиано заявил напрямик, что так идти больше не может. Он разулся, сунул носки в карман, сбросил куртку, воротничок и галстук и сразу почувствовал облегчение. Витория, решив не отставать от мужа, сняла туфли и чулки и бережно завернула их в козынку. Ребята тоже скинули тапочки.

Только теперь бежавший позади Кит догнал хозяев. Сделай он это раньше, Фабиано наверняка погнал бы

его прочь, и пришлось бы бедняге встречать праздник с грязными козами. Зато теперь, когда скомканный воротничок и галстук лежали у вакейро в кармане, куртка болталась на одном плече, а ботинки, подвешенные за ушки, раскачивались на палке, теперь Фабиано ласково подозвал Кита. Вакейро шел вразвалку, как обычно, опустив голову. Витория и сыновья следовали за ним. Незаметно промелькнул день, и, когда стемнело, они очутились на окраине города.

Фабиано уселся на берегу ручья и принялся старательно отмывать ноги. Потом он попытался обуться, кое-как натянул носки, но почему-то пятки оказались на подъеме и топорщились, сбившись в комок. Однако трудней всего оказалось надеть ботинки. Витория, подобрав юбку, села на землю. Малыши вымыли ноги, обулись и стали наблюдать за взрослыми. Витория давно привела себя в порядок, а Фабиано еще пытался над ботинками, проклиная все на свете. Он справился с одним, но другой никак не поддавался. Тогда Фабиано уцепился за ушки и потянул изо всех сил. Витория топила мужа, и от этого он приходил в бешенство. Ему никак не удавалось всунуть проклятую ногу в ботинок. Он разозлился, дернул посильнее за ушки и оборвал их. Отчаявшись, Фабиано решил идти по городу прямо так, в одном ботинке. С ожесточением, к которому примешивалась, однако, некоторая доля надежды, он топнул ногой о землю: должен же ботинок когда-нибудь надеться! Хрустнули кости, мокрый носок лопнул, и нога очутилась в ботинке. Вакейро облегченно вздохнул. Теперь он решил водворить на место воротничок и галстук, но пальцы не слушались. Жена поспешила ему на помощь, и сложная процедура благополучно завершилась. На воротничке остались темные следы грязных, потных пальцев.

— Все в порядке, — проворчал Фабиано.

Они перешли через мостик и очутились на улице. Витория на своих высоких каблуках то и дело спотыкалась. В руке у нее был зонтик, завернутый в косынку. Она как-то странно его держала: за верхушку, ручкой вниз. Трудно было сказать, почему Витория несла зонтик именно так, а не за ручку. Она и сама не смогла бы этого объяснить. Просто так носили зонтики другие женщины, и она невольно подражала им.

Фабиано шагал выпрямившись. Ребята робко поглядывали на фонари. Множество непонятных вещей удивляло их. Впрочем, страх оказался сильнее любопытства, поэтому оба шли тихо, боясь привлечь внимание незнакомых людей. Они и раньше догадывались, что существует другой мир, непохожий на родную фазенду, загадочный и прекрасный мир у далеких синих гор. Но то, что они увидели вокруг, было слишком странным. Откуда взялось столько народу и столько домов? Конечно, люди начнут сейчас драться. Народ здесь, видно, дикий и злой и не позволит им разгуливать между домами. Они-то хорошо знали, что такое подзатыльники. Может быть, чужие люди и не станут шлепать их, как мать, но на всякий случай малыши жались поближе к стенам. От множества новых звуков звенело в ушах, яркий свет ослеплял их.

Фабиано увидел церковь, и они вошли в нее. Лишь Кит остался на тротуаре, беспокойно оглядываясь по сторонам. По его мнению, кругом должно было быть темно,— ведь время позднее, а людям, шнырявшим повсюду, пора бы улечься спать. Он поднял морду и принюхался: из церкви доносился неприятный запах, от которого хотелось чихать. Вокруг кричали люди, было светло, как днем, но больше всего его раздражал этот невыносимый запах.

Ребята тоже многому удивлялись. В новом, неожиданно открывшемся перед ними мире родители показались им совсем маленькими, даже меньше, чем фигурки святых на алтарях. Дети не знали, что такое алтари, но они им очень понравились. Горящие свечи и пение восхищали малышей. У них дома тоже иногда горел свет, но разве отблески огня в очаге и тусклый свет керосиновой лампы могли сравниться с этим великолепием? А пение? Дома они слышали лишь, как мать молилась нараспев да отец напевал грустные и монотонные песни.

Фабиано притих, глядя на фигурки святых, на зажженные свечи. Новая одежда стесняла его, мешала двигаться. Израненные ноги так болели, что ему казалось, будто он ступает по раскаленным углям. Толпа вокруг, как и новая одежда, угнетала его. У себя дома, одетый в кожаную куртку, передник и краги, он чувствовал себя словно в панцире, как лесной броненосец

тату. Вскочив на дикого скакуна, Фабиано летел по равнине, сильный и свободный.

А здесь, в церкви, невозможно было даже повернуться. Поминутно его толкали. Фабиано вспомнил про беду, случившуюся с ним на ярмарке. Ему почудилось, что он снова в тюрьме. Чьи-то руки вцепились в него и душат, а он не может даже закричать, позвать на помощь. Он огляделся, всматриваясь в лица окружающих людей. Никто не обращал на него внимания, но вакейро показалось, что он чувствует на себе враждебные взгляды. Как он боялся снова попасть в историю и провести ночь в тюрьме! Фабиано даже вспотел от страха. Медленно, шаг за шагом начал он пробираться через толпу. У чаши со святой водой он остановился, поджидая жену и детей. Чтобы лучше видеть их, он привстал на цыпочки и вдруг застонал: стертые в кровь пятки нестерпимо болели. Совсем близко от него, за колонной, мелькнула голова Витории. Дети, наверное, с ней. В церковь набивалось все больше народу. Боясь потерять из виду жену и детей, Фабиано время от времени поднимался на носки и, вытянув шею, оглядывал толпу. При каждом движении головы воротничок врезался в шею и раздражал его, но как обойтись без воротничка? Не может же он слушать молитву в расстегнутой рубашке, выставив напоказ волосатую грудь? Это было бы невежливо по отношению к богу, а вакейро верил в бога и каждый год посещал церковь. И с тех пор как он себя помнил, праздничная одежда не менялась — выглаженные брюки и куртка, ботинки, шляпа, воротничок и даже галстук. Не мог же Фабиано нарушить обычай, хотя ему и приходилось туго. Он старался подбодрить себя. Вакейро выпрямился, но такая поза лишь еще больше утомляла его, спина сама собой гнулась, руки сильно болели от усталости.

Фабиано сравнивал себя с городскими жителями: он, конечно, гораздо хуже их, и поэтому ему казалось, что все издеваются над ним. Вот он и ходил по городу угрюмый и молчаливый. Он был уверен, что ни к чему хорошему разговоры не приведут. Ведь горожанам нельзя доверять. Торговцы обмеривают, обвешивают и обсчитывают. Хозяин фазенды с помощью пера и чернил производит непостижимые для его ума расчеты. В последний раз, например, произошла какая-то путаница. У Фаби-

ано голова кругом пошла, и он в негодовании выбежал из кабинета хозяина. Конечно, его надули. Все его обманывали: лотошники, торговцы и владелец фазенды, а те, кто не имел с ним дела, просто смеялись, глядя, как он, спотыкаясь, бредет по улицам. Потому-то Фабиано и сторонился городских жителей. Он догадывался, что праздничная одежда делает его смешным, но старался не думать об этом и ругал горожан на чем свет стоит:

— Воры, лодыри, болтуны, трусы.— Но тут же он спохватился: нельзя говорить этого вслух. Ему и совсем ни за что здорово попало. Проклятый полицейский! Он потрянул головой, пытаясь освободиться от мучительных воспоминаний, и принялся отыскивать в толпе знакомых. Хорошо бы встретить в церкви кого-нибудь из друзей... Он вышел бы с ним на улицу, обнялся, поговорил о житье-бытье. Фабиано вздрогнул: где же Витория и сыновья? Нужно было не уходить далеко от них. Наконец народ стал понемногу расходиться, и вакейро увидел своих. Они выбрались из церкви. Фабиано смертельно устал. Почему-то вновь подумал о желтом полицейском и даже оглянулся. Вот ведь история с ним приключилась! Ни с того ни с сего этот негодяй начал придираться, наступил на ногу, а он молчал, думал, что все обойдется по-хорошему. Не тут-то было, полицейский не унимался, тогда-то Фабиано и прорвало, потому что терпеть дольше было не вмоготу. А что из этого получилось? Он же и оказался виноват.

Они направились к карусели. Фабиано усадил жену и детишек на деревянных лошадок — пусть покатаются — и, глядя на них, немного отвлекся от тяжелых мыслей. Затем он повел семью к игорным балаганам. Вакейро захотелось попытать счастья в игре. Он достал узелок с деньгами, развязал его и пересчитал монеты. Фабиано так и подмывало сыграть в карты. Ведь если ему повезет, Витория сможет купить долгожданную кровать. Он выпил кашасы для храбрости, но у входа в балаган остановился и вопросительно взглянул на жену. Витория не одобряла его затеи и отрицательно покачала головой. Ему сразу припомнилась игра в карты с желтым полицейским. Фабиано тогда ограбили, да, да, просто-напросто ограбили. Он снова выпил стакан кашасы. Мало-помалу его страх исчез: праздник так праздник. Фабиано выпил еще стакан, расправил плечи и принялся

вызывающе поглядывать на людей; он решил во что бы то ни стало выкинуть какую-нибудь штуку. Подвернись ему сейчас желтолицый, он бы ему показал. Вакейро бродил по площади. Он так увлекся мыслями о мести, что даже не чувствовал боли в ногах. Пропади все пропадом, а он таки покажет этому негодяю, на что способен. Фабиано не замечал ни жены, ни детей, которые плелись за ним следом.

— А ну, выходи! — неожиданно закричал он. Но в общем шуме, царившем на площади, никто его не услышал. И сконфуженный Фабиано спрятался за лотками, где торговали сладостями. Он был вне себя от негодования, но осторожность не покидала его. Здесь, за балаганами, можно отвести душу, покричать. А впрочем, к чему он это затеял? Как бы и в самом деле не повстречаться с желтым полицейским и его бандой, а то опять упрячут бедного вакейро в тюрьму. Воспоминание о полицейском снова привело Фабиано в бешенство. Кашаса придала ему смелости, и он завопил:

— Кто здесь самый храбрый? Кто посмеет сказать, что я урод? Выходи!

Он выкрикивал угрозы, надеясь в глубине души, что его не услышат. Никто не откликался на его брань, и Фабиано расходился все сильнее и сильнее; он ругался и кричал на всю улицу. Вдруг ему пришла в голову мысль, что люди, испугавшись его криков, попрятались где-то рядом. Он стал поносить всех на чем свет стоит: сброд, банда, свора... Какая свора?.. На лбу у него выступил холодный пот. Слово вертелось на языке, и он никак не мог его произнести: язык разбух и еле ворочался. Фабиано сплюнул и посмотрел осоловевшими глазами на жену и детей. Его начало тошнить, пришлось отойти в сторону. Немного погодя он догнал Виторию с сыновьями и уселся около них на тротуар. Вакейро совсем пал духом; прежний задор исчез.

— Какая свора? — повторял он бессмысленно. Фабиано посмотрел на жену. Уж не заметила ли Витория его замешательства? Рядом спокойно разговаривали другие крестьяне, и Фабиано вдруг рассердился на них. Если бы его не мутило от водки, он бы с ними расправился. Ему почему-то пришла в голову нелепая мысль, что люди не имеют права сидеть рядом с ним на тротуаре. Вакейро хотел, чтобы его оставили одного с же-

ной, детьми и собакой. А все-таки, какая свора? И вдруг Фабиано осенило. Хлопнув в ладоши, он закричал хриплым голосом:

— Свора собак, черт возьми!

Конечно, все крестьяне и он вместе с ними всего-на-всего собаки. Вдруг лицо вакейро искривилось, рот наполнился слюной. Его опять стошнило. Он глубоко вздохнул и вытер губы. В ушах у него звенело. Он вспомнил, как ему хотелось удивить народ своей храбростью, но теперь Фабиано понимал, что не стоило затевать скандал. Охваченный боевым задором, вакейро не замечал, что новые ботинки ему жмут. Зато теперь, когда он поостыл, ноги нестерпимо болели. Он сбросил

ботинки, стащил носки, освободился от воротничка, галстука и куртки, свернул их и положил под голову. Ему хотелось спать. Фабиано растянулся на тротуаре и нагнул шляпу на глаза... Витория сидела рядом с ним, перед ней на базарной площади кишел людской муравейник. Она смотрела на столы, где велась бойкая торговля, любовалась сверкающими хвостами ракет, взлетающих в небо. На самом деле жизнь не так уж плоха, думала она. Витория с ужасом припомнила, как они бежали от засухи по знойной равнине, а вокруг виднелись лишь засохшие деревья да кости. Усилием воли она отогнала горестные воспоминания и, забыв про все на свете, смотрела на незнакомый, чудесный мир. Слышался невнятный гул толпы. Поскрипывала карусель. Деревянные лошадки неслись без устали. Для того чтобы жизнь была по-настоящему хороша, Витории не хватало лишь кровати, такой же, как у сеу Томаса. Она вздохнула, подумав о своей жесткой постели. Так Витория и сидела на корточках, покуривая трубку. Она прислушивалась к каждому звуку и смотрела во все глаза, стараясь ничего не упустить. Малыши горевали о Ките: собака исчезла. Они потянули мать за рукав. Где Кит? Думая совсем о другом, Витория подняла руку и указала в противоположные стороны: там или здесь. Сыновья не отставали: где наша собака? Ничто их не интересовало: ни церковь, ни бумажные фонарики, ни игорные столы, ни ракеты, они смотрели только на ноги прохожих. Бедняжка, думали ребята о собаке, мечется где-то, ищет их, а все ее пинают ногами.

Вдруг откуда-то появился Кит. Он вскочил на тротуар, нырнул в толпу, скрывшись на мгновение среди женских юбок, перепрыгнул через спящего Фабиано и очутился рядом с хозяевами. От радости он завилял хвостом. Старший мальчик сгреб его в охапку: как хорошо, что Кит цел и невредим! Малыш пытался растолковать Киту, что они с братом перепугались из-за него, но Кита это не трогало. Ему казалось, что хозяева попусту тратят время, оставаясь в таком странном месте. И откуда взялось столько незнакомых запахов! Пес хотел было залаять, чтобы показать, как он недоволен, но, решив, что лаем ничего не докажешь, съежился и поджал хвост: пусть хозяева поступают как хотят.

Ребятам город тоже казался странным и загадочным. Они смотрели на лавки, навесы, на столы, за которыми шла торговля, и переговаривались вполголоса. Только теперь они поняли, как много на свете людей. Дети открывали все новые и новые незнакомые для себя предметы. Даже представить было трудно сразу столько чудес.

— Неужели все это сделали люди? — спросил с недоумением младший брат. Старший не знал, что ответить, он лишь посмотрел на лавки, на освещенные навесы, на разряженных девушек и пожал плечами. Может быть, и люди. Новая неожиданная мысль пришла ему в голову. Он шепнул на ухо братишке: «А ведь каждая вещь имеет, наверное, свое название?» — «В самом деле?» — спрашивал его взглядом младший брат. Конечно, у всех драгоценностей, что выставлены в церкви и лавках, есть свои названия. Они заспорили, стараясь разобраться в этом сложном вопросе: как же люди запоминают столько слов? Безыменные предметы казались им далекими и загадочными. Нет, люди не могли их сделать, и нечего им, детям, вмешиваться—эти вещи, наверное, лишь со стороны и хороши. Восхищаясь и в то же время страшась окружающего, они говорили шепотом, словно боялись разбудить неведомых враждебных духов.

Кит дремал; время от времени он поднимал голову и принимался. Новые запахи приводили его в недоумение. Витория смотрела вдаль, она мечтала о кровати, такой же, как у сеу Томаса.

Развалившись на тротуаре, похрапывал Фабиано. Под головой у него лежали праздничные ботинки. Кит почуял, что от хозяина пахнет чем-то незнакомым. Фабиано беспокойно ворочался во сне. Ему снились желтые полицейские. Откуда-то их набежало видимо-невидимо, и все они угрожали ему.

Глава IX

КИТ

С Китом творилось что-то неладное. Он сильно похудел, шерсть у него повылезла, и сквозь розоватую кожу просвечивали ребра. Темные нарывы на теле гноились и кровоточили, пасть была покрыта мелкими язвами, они мешали ему есть и пить.

Фабиано показалось, что у собаки начинается бешенство, и он надел ей на шею амулет из поджаренных кукурузных зерен. Но Киту становилось все хуже. Он терся о жерди загона или прятался в зарослях кустарника, спасаясь от назойливых насекомых. Кит встряхивал ушами и отгонял мух облезлым, коротким хвостом.

Фабиано решил застрелить собаку. Он отыскал кремневое ружье, почистил его и забил побольше порошу, чтобы она долго не мучилась. Витория втокнула в чуланчик перепуганных ребят и заперлась там с ними. Предчувствуя что-то недоброе, дети тревожно спрашивали:

— Что же будет с нашим Китом?

Они видели, как отец взял порох и пули, и это показалось им подозрительным. Над Китом нависла беда. Пес был для них как член семьи. Втроем они играли на берегу реки или в рыхлом навозе.

Малыши возились со щеколдой, стараясь отпереть дверь. Витория сгребла их в охапку и уложила на кровать. Она закутала старшему сыну одеялом голову, а младшему прикрыла уши ладонями. Малыши вырывались; она сдерживала их, ругаясь сквозь зубы. У нее тоже щемило сердце. Но ведь ничего не поделаешь. Фабиано поступал правильно. Прислушавшись, она различила глухие удары шомпола, шелканье затвора и горестно вздохнула:

— Бедный Кит.

Дети начали кричать и дрыгать ногами. Старшему сыну удалось вырваться. Витория со злости выругалась:

— Вот паршивец,— и вlepила ему оплеуху, благо малыш тут же запутался в ее цветастой юбке. Понемногу ярость Витории утихла, и она принялась укачивать ребят. Гнев ее обратился на Кита. Разве можно оставлять в доме бешеную собаку? Но в душе она понимала, что не права; жаль, что Фабиано не подождал денек-другой, тогда бы все стало ясно.

Вакейро вышел из дома. Он позвал собаку, прищелкнув пальцами. Витория втянула голову в плечи, чтобы ничего не слышать. Но она все же смутно различала отдельные звуки. Тогда Витория, не выпуская сыновей, закрыла уши руками.

Фабиано прошелся по палисаднику, оглядел каждое дерево, но Кита нигде не было видно. Тогда он закричал:

— Ищи, ищи, Кит!

Он вернулся в дом и через кухонное окно выглянул на задний двор. Тут-то Фабиано и увидел Кита: пес терся болячками о старое дерево. Фабиано вскинул ружье. Собака заметила хозяина, он показался ей странным. Прижимаясь к стволу, она стала медленно отползать, пока не очутилась с другой стороны дерева. Теперь оттуда поблескивали только черные зрачки. Недовольный таким оборотом дела, Фабиано выскочил в окно, подбежал к изгороди и прицелился в Кита. Он дрожащими руками подвел мушку и спустил курок. Заряд перебил собаке лапу, и она залилась отчаянным лаем. Услыхав выстрел и лай, Витория зашептала:

— Дева Мария, дева Мария...

Малыши ревели во все горло. Наконец хлопнула дверь — отец вошел в дом.

Кит поспешно убегал. Миновав яму с глиной и палисадник, он пролез через дырку в загородке и очутился во дворе. Ему было трудно прыгать на трех лапах. Кит бросился было к навесу, но, устранившись встречи с хозяином, отбежал к хлеву. Там он чуть-чуть передохнул и, ковыляя, пустился дальше. Внезапно у него отнялась еще одна нога. Истекая кровью, Кит пополз на передних лапах, с трудом волоча тело по земле. Увидев телегу, он решил спрятаться под нее, но испугался колеса.

Он полз к жуазейро. Там под корнем находилась глубокая и удобная яма. Кит любил в ней валяться; он отделялся таким образом от надоедливых мух и комаров, а когда поднимался, сухие листья и веточки облепляли язвы. Ведь это была удивительная собака, непохожая на других.

Но Киту не удалось доползти до ямы, он упал. Пес поднял морду и вытянул передние лапы, но тело не слушалось. Цепляясь когтями за землю и обдирая лапы, он снова пополз из последних сил. У камней, где валялись дохлые гадюки, он опять упал. Страшная жажда обжигала горло. Кит взглянул на свои лапы и не увидел их: глаза застилал белый туман. Ему вдруг захотелось укусь хозяина. Он попытался залаять, но лишь жалобно взвизгнул. Прячась от солнца, Кит прополз еще немного и забрался в расщелину между камней.

Что же все-таки с ним стряслось? Туман сгустился и плотной белой пеленой двигался на него. Киту почудился едва уловимый запах тушканчиков. Они, видно, спускались с холма, где-то далеко-далеко. Он поднял морду и принялся. Хорошо бы взобраться на пригорок и поохотиться за тушканчиками, весело резвящимися на свободе. Кит тяжело дышал. Во рту у него пересохло. Он облизнулся, но не почувствовал облегчения. Обоняние его совсем притупилось, и тушканчики, казалось, убежали с холма. Он тут же забыл про них, и ему вновь захотелось укусь Фабиано, который неожиданно появился перед его глазами с каким-то странным предметом в руке. Кит не знал, что это такое, но тотчас же инстинктивно насторожился и ошетинился. Ему захотелось убежать, спрятаться от Фабиано. Он сжался в комок, стараясь казаться как можно незаметнее. Нет, он не мог укусь своего хозяина. Он родился подле него и всю жизнь беспрекословно подчинялся ему. Стоило вакейро хлопнуть в ладоши, и Кит с лаем бросался гонять скот. Незнакомый, страшный предмет неотступно маячил перед его глазами. Сквозь прикрытые веки Кит следил за врагом. Прошло немного времени, и ужасное видение исчезло. Пес успокоился. Он с трудом открыл глаза. Кругом была непроглядная тьма, словно исчезло солнце. Где-то у реки звенели бубенцы. Кит испугался: козы там одни, в такую темень. Надо скорее гнать их к водопою. А где ребята? Он пытался найти их по запаху, раздувал ноздри, но детей поблизости не оказалось. Он забыл про случившуюся с ним беду и не понимал, что свободен теперь от всех обязанностей; тоска сжимала его маленькое сердце. Он должен уберечь коз. В эти часы, когда ягуар сторожит свою добычу, надо гнать коз берегом, сторонкой, обходя заросли кустарников. К счастью, малыши уже спят на циновках под нишей, куда Витория прячет свою трубку.

Стоял зимний вечер, холодный и туманный. Вокруг была мертвая тишина, никаких признаков жизни: не поет старый петух, не слышно храпа Фабиано. Обычно Кит не обращал на такие звуки внимания, но теперь, когда он не слышал, как петух бьет крыльями, а Фабиано ворочался на жесткой кровати, он чувствовал себя еще более одиноким. Фазенда словно вымерла.

Кит задыхался. Он открыл пасть, язык безжизненно

свисал на сторону. Кит не понимал, что с ним творится. Он уже забыл о шуме, о страшном ударе в заднюю ногу, о мучительном пути по двору. Ему казалось, что он лежит на кухне. Перед тем как идти спать, Витория выгребала из очага угли и золу, подметала веником еще теплый пол, и там становилось так хорошо, что нельзя было и придумать лучшего места для сна. Тепло выгоняло блох; мягким, как пух, казался ему пол, и целую ночь Киту снились тушканчики.

Судороги пробежали по телу, словно тысячи иголок впились в него. Лапы оцепенели. Кит придвинулся поближе к камню. Как холодно! Наверное, хозяйка не заметила, что огонь потух слишком рано. Кит погружался в сон. Он проснется в счастливое время, когда не надо будет думать о еде, и примется лизать руки хозяину, огромному и сильному. Дети станут играть с ним во дворе. И всюду будут бегать тушканчики, жирные и вкусные тушканчики.

Глава X СЧЕТЫ

За то, что Фабиано пас скот на фазенде, он ежегодно получал четвертую часть стада. Но так как у вакейро не было своей земли и он только сеял около дома немного фасоли да кукурузы, ему приходилось продавать скотину. Вот почему Фабиано расставался со своими те-

лятами и козлятами, не успевая даже поставить на них свое клеймо.

«А что, если еще больше сократить расходы?» — часто думал он и строил всевозможные планы... Но ведь недаром говорится: выше головы не прыгнешь. Когда их скудные припасы кончались, Фабиано шел к хозяину фазенды и за бесценок продавал ему свой скот. Он спорил с хозяином, просил его

прибавить хоть немного денег. Да разве такого проймешь? В отчаянии вакейро сжимал кулаки. Будь это где-нибудь еще, Фабиано не дал бы себя в обиду, но здесь он боялся, как бы его не прогнали с фазенды, и умолкал. Он покорно брал деньги и выслушивал советы и наставления: оно, конечно, неплохо подумать о будущем и набраться ума-разума. Фабиано покорно стоял у двери, но мало-помалу лицо его наливалось кровью, шея багровела, и гнев прорывался наружу.

— Что вы мне сказки рассказываете. Одними молитвами сыт не будешь. Попробуйте ничего не есть, так живо ноги протянете.

Что верно, то верно: выше головы не прыгнешь. Хозяйское клеймо появлялось на его скоте. А когда все телята и козлята были проданы, Фабиано приходилось одалживать деньги у хозяина. При расплате половину скота у него отбирали за долги, и оказывалось, что получить-то нечего.

Как-то раз, впрочем, так случилось не однажды, вакейро усомнился в правильности подсчетов хозяина и заговорил об этом с женой. Витория отослала детей во двор и принялась раскладывать в кухне на полу семена разных сортов: так она высчитывала, сколько денег причиталось мужу. На следующий день Фабиано отправился в город, и, как всегда, владелец фазенды

выдал ему гораздо меньше денег, чем ожидали они с Виторией. Фабиано запротестовал и услышал в ответ привычное объяснение: разница получается из-за процентов. Несмотря ни на что, вакейро был убежден, что его обманули. Он-то человек темный, что правда, то правда, но жена у него с головой. Хозяин, несомненно, ошибся. Но ошибку отыскать не удалось, и Фабиано потерял над собой власть; всю жизнь он работает как проклятый, а что толку? Где тут справедливость, если он даже из долгов не вылезает?

Хозяин рассвирепел: подумать только, какая наглость! Не мешало бы вакейро подыскать себе другое место.

И Фабиано сразу присмирел, сбавил тон. Стоит ли из-за такого пустяка поднимать шум. Если он что-нибудь сказал некстати, то не взыщите. Он и сам понимает, что груб и неотесан. Но дерзить он не собирался, Фабиано свое место знает. Где ему тягаться с богатыми. Он неуч, конечно, но умеет уважать людей. Всему виной невежество жены — верно, она ошиблась. Уж очень странные у нее подсчеты. Грамоте он не обучался, вот и доверился ей. Пусть хозяин простит его, такого больше не случится. Владелец фазенды смягчился, и Фабиано попятился к выходу, подметая шляпой пол. На пороге он повернулся, зацепился шпорой за шпору и, спотыкаясь, кинулся прочь из комнаты. Его тяжелые башмаки стучали по полу, как копыта.

Вакейро добежал до угла и остановился, переводя дух. Нет, нельзя так с ним обращаться. Он медленно направился к площади. Завидев издали харчевню сеу Инасио, Фабиано отвернулся и обошел ее сторонкой. После приключившейся с ним беды он побаивался проходить мимо нее. Он сел на тротуар, вытащил из кармана деньги и внимательно пересчитал их, стараясь догадаться, на сколько его обманули. Он не посмел бы сказать вслух, что это воровство, но как иначе назовешь хозяйские подсчеты? Он и так продает скот почти даром, а хозяин еще выдумывает какие-то проценты. Что это за проценты такие? Просто грабеж, да и только. И пожаловаться-то некому. Ведь всему на свете есть предел, вот он и стал протестовать. Тут владельца фазенды взорвало. И почему он так разозлился?

Фабиано припомнил одну историю, что произошла с ним несколько лет назад. Семье его пришлось туго, и поэтому вакейро заколол поросенка, которого оставил к рождеству. Поросенок был тощим и никак не толстел. Понадобились деньги, вот Фабиано и зарезал его раньше срока. Он отправился продавать мясо в город. Но там привязался к нему сборщик налогов из префектуры и потребовал деньги. Вакейро прикинулся просячком: он, дескать, человек темный и ничего не понимает. Чиновник принялся растолковывать ему, что, прежде чем продать поросенка, надо заплатить налог. Фабиано, в свою очередь, попытался убедить сборщика, что у него нет никакого поросенка, — куски мяса — это не поросенок. Чиновнику надоели разговоры, и он напустился на Фабиано, тот сразу присмирел. Упаси боже связываться с властями, но разве он не имеет права распоряжаться своим поросенком? За что, спрашивается, платить налог? Он всегда считал поросенка своим. Если отдать часть денег сборщику, ничего не останется. Надо возвращаться домой и самому есть мясо. А может, он и мясо-то есть не имеет права? Сборщик налогов в раздражении топнул ногой, и Фабиано струсил. Держа шляпу в руке и согнувшись, он заговорил примирительным тоном:

— Кто сказал, что я хочу ссориться с вами? Лучше покончим с этим.

Распроставшись с представителем власти, он сунул мясо в мешок и пошел незаметно на другую улицу — продать его там. Но сборщик и в другом месте настиг Фабиано, и ему скрепя сердце пришлось заплатить и налог и штраф. Зато теперь он больше не откармливает поросят. Еще нарвешься на какую-нибудь неприятность.

На ладонях у Фабиано лежали квитанции и несколько серебряных и медных монет. Он вздохнул и прикусил губу. Разве можно ему протестовать? Он смирился с несправедливостями, а то пришлось бы ему убираться с фазенды вместе с женой и детьми. Но куда бежать? Куда вести жену и детей? В том-то и дело, что некуда. Фабиано огляделся по сторонам. За крышами домов простиралась сухая каменистая равнина. Ему припомнился тягостный путь по каатинге — они шли, еле держась на ногах от голода. Как им удалось тогда

выжить, он и до сих пор не понимал. Это было просто чудо. Если бы Фабиано знал, куда уйти, он сейчас бы закричал во все горло, что его обокрали. Но приходилось терпеть. Его охватила беспредельная ярость. Он злился и на степь и на хозяина, на желтых полицейских и на сборщиков налога. Все против него. Конечно, не так-то легко его пронять, но иногда даже у Фабиано не хватало терпения, чтобы вынести столько напастей.

«Когда-нибудь они меня доведут, и уж тогда я разойдусь», — часто думал он.

Неужели они не видят, что вакейро живой человек? Пусть он работает на других, ничего не поделаешь — такова его судьба, и никто не виноват, что она выпала ему на долю. Разве он в состоянии изменить свою судьбу? Если бы Фабиано сказали, что многое в жизни зависит от него самого, он пришел бы в ужас. Его дело укрощать диких скакунов, пасти скот и круглый год чинить изгороди. Так жили его отец и дед, а что было раньше, он и не знал. Все они вырубали колючие заросли, мастерили сбрую — навыки передавались из рода в род. Он согласен так жить и ни на что больше не претендует. Если бы ему честно отдавали то, что он зарабатывал, с него было бы довольно. Но получалось иначе. Его считали каким-то нищим, собакой, и он получал лишь подачки. Так почему богатые еще и отнимают у него часть подачек? И как им только не стыдно!

Деньги, зажатые в потный кулак, намокли. Он хотел знать, на много ли его обсчитали. В предпоследний раз, насколько он помнил, хозяин заплатил ему больше. Фабиано встревожился: он слышал, как что-то говорили о сроках и процентах, а всегда, когда ученые люди произносили непонятные слова, его обворовывали. Поэтому он и пугался. Слова эти, несомненно, служили для того, чтоб прикрыть воровство. Но звучали они красиво. Фабиано иногда запоминал некоторые выражения и употреблял их некстати.

Потом он их забывал. Зачем беднякам нужны слова богатых людей? Вот синья Терта, та была остра на язык. Она говорила, пожалуй, не хуже городских. Если бы он мог так объясниться, то давно бы нашел работу на другой фазенде и поправил свои дела. Но что поделаешь, если он этого не умел. Когда ему приходилось трудно, он только заикался да почесывал локти. Вот с него

и драли семь шкур. Где же, однако, справедливость и какая выгода богачам так обращаться с бедным вакейро? Сейчас, например, он не откармливает свиней, и интересно будет посмотреть, как этот подлец из префектуры сдерет с него налог. Его и так обдирают как липку, да еще бьют и сажают в тюрьму. Хватит, довольно работать, теперь пора и отдохнуть.

А может, когда-нибудь все пойдет иначе? Он замолк и пересчитал деньги. Потом сунул их в карман, который застегнул на пуговицу.

Фабиано встал и направился к харчевне: хотелось выпить кашасы. Но у стойки толпилось много народу, и он передумал. Не любил он показываться на виду у людей. Другой раз скажешь что-нибудь без всякого дурного умысла, а поймут иначе, и начнется драка. Лучше не входить в харчевню. Только жена понимала его с полуслова. Синья Терта — вот кто изъяснялся по-городскому. Хорошо, когда у человека есть чем защититься. У него этого не было. Ведь если бы он умел читать и правильно говорить, разве бы они так жили? Да, в трактир лучше не заходить. Фабиано очень хотелось выпить кашасы, но тут же он припомнил лавку сеу Инасио. Не пришла бы ему в голову мысль о кашасе, ничего и не случилось бы. Что за жизнь такая, даже водки попробовать нельзя. Придется, видно, отправляться домой спать.

Он медленно пошел обратно, тяжело ступая; шпоры на его сапогах не звенели, как обычно. Заснуть сейчас, пожалуй, тоже не удастся. В кровати, как раз посредине, была кривая жердь. Лишь очень устав, можно было уснуть на этих палках. Когда Фабиано носился по каатинге верхом на лошади или целый день чинил изгороди, он замертво падал на кровать и храпел на весь дом. Но сегодня о сне нечего и мечтать. Придется всю ночь ворочаться с боку на бок и думать, когда же конец мучениям. Строить планы и фантазировать о том, что он сделает в будущем? Да ровным счетом ничего. Только изведет себя на работе. Фабиано будет ютиться в старой лачуге, пока не выгонят, а потом, как нищий, пойдет по миру и погибнет от голода в засушливой каатинге. Вакейро вынул из кармана табак, скрутил самодельную сигару. Если бы у него хоть что-то было вспомнить, жизнь не казалась бы ему такой беспросвет-

ной. Улица осталась позади. Он поднял голову, увидел звезду, потом другую. Фабиано забыл о своих невзгодах и стал думать о жене, о детях, о мертвой собаке. Бедный Кит. Он не мог забыть о нем, будто убил кого-то из своей семьи.

Глава XI **ЖЕЛТЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ**

Фабиано пробирался по тропинке, заросшей густым кустарником. Она вела к высохшему руслу реки. Вакейро ступал тяжело, ремни туго набитого мешка оттягивали ему спину. Волосяная сбруя, кнут и бубенцы на веревке свисали с плеча. Тесак в ножнах то и дело цеплялся за ветви и стволы. Глядя по привычке в землю, Фабиано читал следы на тропе. Вот отпечатки больших и маленьких копыт — это прошла серая кобыла с жеребенком. Так оно и есть: на ветках клочок серой шерсти... Забыв об окружающем, Фабиано рассматривал тропинку, пригнувшись к земле, как заправский следопыт. Каатинга словно оживала: перед его глазами возникали зверьки, пробегавшие здесь до него.

Вакейро двинулся по следу серой кобылы. Он прошел шагов триста, пока висевшая на плече волосяная сбруя не зацепилась за куст. Он распутал сбрую, вытащил тесак и принялся рубить кактусы, преграждавшие путь. Земля вокруг него покрылась колючками. Вдруг Фабиано услышал, как кто-то шумно пробирается сквозь кустарники. Он обернулся и увидел желтого полицейского, того самого, что год назад засадил его в тюрьму. Острый нож мгновенно повис над головой полицейского. Это длилось секунду, меньше — какую-то долю секунды. Еще одно мгновение, и желтолицый валялся бы в пыли с раскроенным черепом. Гнев Фабиано был настолько силен, что он, не задумываясь, прикончил бы ненавистного полицейского, но какая-то сила удержала его руку. Нож замер над головой блюстителя порядка.

Поначалу вакейро был ослеплен ненавистью. Он видел перед собой только врага. Но вдруг он осознал, что перед ним человек, да к тому же наделенный властью, и решимость его покинула. Рука Фабиано клонилась то в одну, то в другую сторону. Он колебался.

Жалкий и тщедушный, полицейский дрожал. У Фабиано снова возникло желание замахнуться на него. Но рука не повиновалась ему. Собственно говоря, он не хотел убивать человека. Ему просто надо было убрать со своего пути этого полицейского. Неодолимая сила толкала его сейчас разmozжить голову желтолицему. Но рука безвольно клонилась то вправо, то влево. Если бы в нем победил гнев, то все опасения мигом бы исчезли. Но Фабиано вдруг сделалось страшно, и он застыл на месте, прерывисто дыша. Его лицо, покрытое испариной, исказилось от страха. Рукоятка ножа дрожала в потной руке. Охваченный страхом, он твердил про себя, что ему угрожает опасность. Но такая мысль показалась вакейро настолько нелепой, что он даже рассмеялся. Кого он боится? Фабиано никогда не видел, чтобы человек мог дрожать, как паршивая собака. Разве он уже забыл, как его обидел этот подлый, бесовестный трус?

Фабиано рассердился: ну чего ради полицейский щелкает от страха зубами? Он же видит, что вакейро не собирается его убивать. Ему сделалось не по себе. Смешно думать об опасности. Какая там опасности! Чтобы покончить с желтым полицейским, не нужно и тесака,— он может придушить его голыми руками. Встряхнув бубенцами, Фабиано поднес свою левую руку, огромную и волосатую, к самой физиономии полицейского. Тот в ужасе отшатнулся и прижался к стволу дерева. Если бы не эта опора, бедняга свалился бы на землю.

Фабиано уставился на него налитыми кровью глазами и сунул тесак в ножны: легко свернуть желтолицему шею голыми руками. Он вспомнил про то, как его били в тюрьме. Подумать только! Еще и денежки негодяю платят за то, что он измывается над беззащитными людьми. Разве не так? Лицо вакейро исказилось, оно стало страшным, в нем появилось что-то звериное. Разве полагается трогать людей, которые никому не причиняют зла? Он задышался от волнения, на лбу прорезались морщины, глаза широко раскрылись, как бы нища ответа на горький вопрос.

Полицейский съезжился за деревом. Фабиано сжал кулаки, впиваясь ногтями в мозолистые ладони. Ему хотелось снова поддаться порыву слепой ярости, но без-

рассудная решимость не возвращалась к нему. Вакейро повторял про себя, что оружие и не понадобится, но на самом деле он прекрасно знал, что просто не осмелится пустить его в ход. На какой-то момент злость на собственную нерешительность закипела в Фабиано и придала ему новые силы. Но негодование тут же исчезло. Судорожно сведенные пальцы разжались, и он бессмысленно затоптался на месте.

Полицейский словно прилип к дереву: из-за ствола он был виден только наполовину. Вакейро вдруг показалось, что желтолицый начинает увеличиваться, расти. Он попытался отогнать наваждение, — как можно додуматься до такой чертовщины?

Минуту назад он ни о чем не думал, но теперь нахлынули тяжелые мысли. Он просто смутян, сорвиголова, нет, скорее всего, он самый обыкновенный парень, который раз-

другой выходил из себя, и всегда это кончалось плохо. В тот вечер, например, не потеряй он терпение и не обругай желтого полицейского, не пришлось бы ему коротать время в тюрьме. Проклятые парни задали ему там основательную взбучку, а он только ежился, дрожа, как мокрая курица, от боли и страха. И все потому, что он не сдержался и выругался как следует. Конечно, он неуч, но его ли это вина? Собрался народ, полицейский сержант пробрался сквозь толпу и приказал Фабиано: «Следуй за мной». А разве он, Фабиано, виноват? Желтый полицейский явно подбил его на скандал. Как тут не потерять терпение, если тебе нарочно наступили на ногу,— вот и вырвалось ругательство. Ну и что тут особенного? Полицейскому следовало бы понимать поступки людей, да где ему! Сразу засвистел да еще крикнул: «Проваливай отсюда!»

Фабиано шагнул к дереву. А вот если он сейчас тоже крикнет: «Проваливай отсюда!» — что тогда будет делать полицейский? Наверное, и с места не сдвинется, прилип к стволу. Но как же так? Это жалкое ничтожество бросает людей в тюрьму и избивает их. Вакейро не мог примириться с этим. Будь на месте желтолицего сильный и рослый детина, дело другое. Если тебя наказывает законная власть, надо терпеть,— и Фабиано даже с гордостью припомнил о подобных случаях в своей жизни. Но желтый полицейский... Фабиано чуть не прыснул со смеху. Почему власти набирают к себе на службу таких типов? Боятся они, что ли, взять хороших людей. Вся их свора только на то и годится, чтобы обижать беззащитных. Неужели и он, надев форму, стал бы таким же подлым и низким? Нет, он бы таким не стал.

Вакейро медленно подошел к дереву и оказался лицом к лицу с полицейским. Тот, в ужасе, еще крепче прижался к дереву, нож и пистолет без толку висели у него на поясе. Фабиано ждал, когда полицейский пошевелится. Он, конечно, презренный трус, но на нем форма, и хотя сейчас у него глаза от страха вылезли на лоб, а зубы стучали, как веретена у пряжи, желтый полицейский вот-вот опомнится, закричит на него и начнет оскорблять. Фабиано даже хотелось этого. Мысль о том, что такой ничтожный человечиска упрятал его в тюрьму, была для него невыносима. Видя его тру-

сость, вакейро чувствовал себя еще более жалким и никчемным, чем желтолицый.

Фабиано опустил голову. Если полицейский не выхватит нож и не закричит на него, он будет несчастнейшим человеком. Перед этим-то ничтожеством он должен пресмыкаться? Он, Фабиано, выносливый и закаленный? Не раз он бывал в переделках, но всегда выходил победителем. Всплывали в памяти потасовки на вечеринках. Однажды, с ножом в руках, Фабиано разогнал целую толпу. Тогда-то он и понравился Витории. Он всегда был смельчаком, так неужели с годами смелость его покинула? Сколько ему теперь лет, Фабиано точно не знал, но, вероятно, он стареет. Будь у него зеркало, он разглядел бы в нем свои морщины и седые волосы. Вакейро не замечал этих перемен, но старость неотвратимо надвигалась.

Ладони стали мокрыми. Что с ним творится? Вспомнить от страха перед этим заморышем, который дрожит и норовит спрятаться от него? Не в трусости ли его несчастье, самое большое несчастье? Видно, никогда больше не забурлит в его жилах горячая кровь, видно суждено ему отныне влачить жалкую и беспросветную жизнь. Как меняются люди! Ведь раньше он был иным. А теперь совсем другой человек, так непохожий на прежнего Фабиано. Теперь он только и годен, что сносить побои да валяться в тюремной камере.

Взгляд его упал на тесак: разве это хороший нож! Нет, нож у него не плохой. Сверкает, как молния, когда Фабиано рубит кактусы. Еще немного, и он рассек бы череп этому негодяю. Теперь тесак покоится в старых ножнах, а ведь с его помощью Фабиано мог бы прикончить желтого полицейского. Еще мгновение — и от полицейского ничего бы не осталось. Вакейро представил на секунду, как блюститель порядка лежит на земле, раскинув ноги и вытаращив глаза. Струйка крови стекает по волосам и теряется среди камней. Фабиано оттащил бы его подальше в чашу и оставил грифам на съеденье. И не почувствовал бы ни малейших угрызений совести. Он спокойно бы улегся спать на свое жесткое ложе и даже строго прикрикнул бы на детей, ведь за ними нужен глаз да глаз. Фабиано пристально посмотрел на полицейского, тот отвел глаза. Конечно, Фабиано еще полон сил. Глупо думать, что он

стареет. Ничего подобного. Но ни к чему убивать желтого полицейского, он и сам скоро отправится на тот свет. Загубить свою жизнь из-за него? Лучше он побережет силы.

Вакейро колебался: как ему поступить? Очень уж много на свете подлецов, слишком много.

Он отошел в сторону. Видя, что гнев Фабиано остыл, полицейский собрался с духом и спросил его, по какой дороге идти в город. И вакейро снял перед желтым полицейским шляпу, согнулся и показал ему дорогу: власть есть власть.

Глава XII

ПТИЦЫ ЗАКРЫВАЮТ НЕБО

На дерево, росшее у водопоя, садились перелетные птицы. Наверное, в сертанах был пожар. Птицы прилетали огромными стаями, они отдыхали на деревьях, пили из реки и, не найдя вокруг пищи, летели дальше, на юг. Витория и Фабиано предчувствовали беду. Солнце высасывало колодцы, а эти проклятые птицы выпивали последнюю воду, точно хотели убить скот. Так говорила Витория, но Фабиано лишь недоверчиво пробурчал что-то в ответ и нахмурился. Как странно, однако, она сказала: птицы хотят убить коз и быков. Он подозрительно взглянул на жену — уж не сошла ли она с ума. Вакейро сел на скамью под навесом и окинул взглядом ясное небо: ни облачка, только множество птиц реет в вышине. И как может крохотная птаха убить быка? Видно, у Витории голова не в порядке. Фабиано тщетно пытался понять, что имела в виду жена, произнося такую загадочную фразу. Птичка ведь такая маленькая! Трудно понять, что думала Витория; бог ее знает. Фабиано вошел в дом; свернул там сигару и с наслаждением закурил. Снова очутившись на дворе, он огляделся: все предвещало беду. Недолго ему здесь оставаться. В тишине отчетливо слышалось хлопанье крыльев.

Что же так означают слова Витории? Сказанная ею фраза не давала Фабиано покоя, и тут вдруг его осенило: птицы выпьют воду, и скот погибнет от жажды. И в самом деле, перелетные птицы убивают скот. Поразмыслив, он решил, что Витория права; но зачем она

так непонятно говорит? Теперь-то до него дошло, что она хотела сказать. Он даже расхохотался, восхищаясь смекалкой жены. Голова у нее работает отлично. В трудных случаях Витория всегда находила выход. И как только она додумалась, что перелетные птицы могут убить скот! И ведь она права! Птиц так много, что дерево у водопоя сплошь покрыто ими. Фабиано решил посмотреть на него поближе. Он пересек двор и направился к реке. Ему вспомнился Кит. Правильно ли он поступил, убив его? Этого Фабиано никогда не мог решить окончательно. Собака взбесилась. Нельзя же было допустить, чтобы она покусала ребят? Просто безумие держать бешеную собаку. Фабиано потрянул головой, стараясь забыть о Ките. Он отвел взгляд от камней, где нашли распростертого на земле Кита. Грифы выклевали ему глаза.

Вакейро прибавил шаг, спустился с обрыва и подошел к водопою. Птицы бешено хлопали крыльями над темной водой. Множество пернатых сидело на дереве. Когда они летят из сертанов, всему живому приходит конец. Гибнет скот, даже кактусы и те засыхают. Он вздохнул. Что же делать? Снова бежать, обосновываться на другом месте, начать жизнь заново? Фабиано вскинул ружье и, не целясь, нажал курок. Несколько птиц попадало на землю, остальные с испугу разлетелись, но через минуту их стало еще больше.

Обескураженный, Фабиано уселся на берегу реки, зарядил ружье и выстрелил. Снова попадали птицы, и Фабиано обрадовался: теперь семья обеспечена едой на два-три дня. Будь у него побольше пороха и дроби, он бы настрелял дичи на многие месяцы. Вакейро со страхом подумал, что скоро им придется уходить отсюда.

Он зажег потухшую сигару и, чтобы отвлечься от печальных раздумий, принялся шепотом разговаривать сам с собой: надо бы посоветоваться с синьей Тертой — вот кто знающий человек. А он не мог даже разобратся в хозяйских расчетах. Проценты пожирали весь доход, и в конце концов владелец фазенды почему-то считал, что делает ему одолжение. А желтый полицейский...

Ох, Фабиано, как тебе не везет! Он сжал кулаки и ударил себя по коленям. Черт возьми, так всегда

бывает: пытался забыть об одном несчастье, вспомнились другие. Он не хотел думать ни о хозяине, ни о желтом полицейском, но мысли о них постоянно приходили в голову. Разнесчастный он человек. Нужно было тогда ударить полицейского ножом. А он, трус несчастный, снял шляпу перед ним и показал дорогу. Фабиано вытер пот со лба. Стоило ли вспоминать о позоре? Неужели он и впрямь думал, что останется здесь навсегда? Не будь Фабиано таким наивным и доверчивым, он ушел бы к кангасейро. Потом, конечно, его бы пристрелили, или он состарился бы в тюрьме, отбывая наказание. Но все-таки это лучше, чем распротиться с жизнью где-нибудь на краю дороги или видеть, как умирают от голода жена и дети. Почему он не прикончил желтолицего? Может быть, его и засадили бы в тюрьму, но зато он бы имел право на уважение. А сейчас кто его будет уважать, если он не отомстит за оскорбление? Фабиано, соберись с духом и убей желтого полицейского. Такую нечисть надо уничтожать. Убей желтого полицейского и тех, кто им командует.

Вакейро с такой яростью размахивал руками, что даже устал. Его мучила жажда. По красному, загорелому лицу градом катился пот. Он присел на корточки у водооя, зачерпнул ладонями солоноватую воду и с жадностью стал ее пить. Стая испуганных птиц взмыла вверх. Фабиано вскочил, глаза его сверкали негодованием; он опять разозлился и принялся палить в воздух. Повсюду валялись убитые птицы. Витория ощищет их и нанижет на прутья. Семья будет питаться ими в дороге. На оставшиеся деньги Фабиано купит порошу и дробь, настреляет побольше птиц и пойдет бродить по свету. Неужели придется уходить? Он прекрасно знал, что придется, но, может, засухи все-таки не будет? Может, пойдет дождь? Эти чертовы птицы — вот кто принес несчастье. Он попытался выкинуть их из головы. Но как забыть о проклятых птицах, когда они носятся над головой, копошатся в грязи, прыгают по веткам, валяются на земле. Если бы они не прилетели, не было бы и засухи, по крайней мере сейчас. Она бы пришла когда-нибудь потом. А так засуха уже начиналась. Фабиано чувствовал, что она вот-вот нагрянет, и заранее испытывал голод, жажду и смертельную усталость. Несколько дней назад он был еще спокоен, готовил сбрую для лошадей, чинил изгороди. Но вот в небе появилась едва заметная точка, затем другая, и множество птиц закрыло горизонт. Шум крыльев предвещал беду. Еще раньше, когда начали пересыхать ручьи, Фабиано охватило беспокойство. Белые томительные рассветы и зловещий багрянец вечеров не предвещали ничего хорошего. Теперь его предчувствия сбывались.

Во всем виноваты проклятые птицы, они несут с собой засуху. Если бы можно было их уничтожить! Фабиано с остервенением заряжал ружье. Огромная волосатая рука со следами пороховых ожогов дрожала, сжимая шомпол.

Вакейро почувствовал себя одиноким. Он совсем один среди множества птиц. Пернатые уничтожат его. Он подумал о жене и вздохнул: бедная Витория, снова ей придется идти по выжженной земле. И как она додумалась, что птицы убивают скот. Сколько бы Фабиано ни размышлял, ему бы никогда такое и в голову не пришло. Жена все умела: она раскладывала на полу семена, и они обозначали у нее различные суммы денег.

Ее подсчеты всегда были правильными, а хозяйские подсчеты, хоть владелец фазенды и прибегал к помощи ручки и чернил, не сходились с ними: он хотел обмануть Фабиано. Вакейро человек подневольный, он только и годится, что сносить побои. Как он мог спорить с хозяином? Бедной Витории не суждено, как видно, понежить свои косточки на мягкой постели. Ведь спят же другие по-человечески! Боясь обидеть ее, Фабиано соглашался, что надо купить кровать, но он прекрасно понимал, что они никогда ее не купят. Нет, удобная постель не для таких бедняков. А теперь им совсем плохо придется. Он подобрал птиц и сунул их в мешок, порядком раздувшийся от дичи. Он, Витория и малыши долго будут питаться ими.

Вот бы Кит обрадовался сейчас, он бы уж поживился! Почему при мысли о собаке у него так сжимается сердце? Бедный Кит! Как жаль, что его пришлось пристрелить. Вакейро заставлял себя думать о другом: о сбруе, об изгородях, о путаных расчетах с хозяином. Он шел к дому. Поднявшись на обрыв, Фабиано увидел жуазейро. У корней одного из них собака любила валяться. Фабиано вздохнул, его угнетала горестная мысль: а вдруг он напрасно убил Кита? Он окинул взглядом равнину и холм, где в своих норках жили тушканчики, и пробормотал, обращаясь к кактусам, что он только потому и пристрелил Кита, что собака взбесилась и могла покусать детей. Пусть не думают о нем плохо.

Мысли Фабиано смешались, он вновь подумал о перелетных птицах, которые несли засуху на своих крыльях. Пернатые погубят их семью. Витория поняла это раньше, чем он. Фабиано снова с восхищением подумал о том, какая она умница. Но на сердце у него было тяжело. Перед глазами всплывала печальная картина: под жуазейро лежит бездыханный Кит.

Проходя под деревом, Фабиано перекрестился. Может быть, душа Кита где-нибудь здесь, поблизости. В сумерки ему всегда чудились смутные, непонятные видения. В последнее время он жил в постоянном страхе. Надо поговорить с женой и попытаться забыть наконец о птицах. Как бы убедить самого себя, что он правильно убил Кита? Поскорей бы уйти из этих проклятых мест. Он уверен, что и Витория с ним согласится.

Глава XIII

БЕГСТВО

Жизнь на фазенде становилась все тяжелей. Витория то и дело шептала молитвы и крестилась, боязливо перебирая четки. Фабиано часами просиживал на скамейке под навесом и смотрел на высохшую каатингу. Ветер подхватывал тучи опавших листьев и кружил их в воздухе. Ветви деревьев скрючились и почернели от жары. В синем небе уже не летали птицы. Постепенно все живое вымирало. Только чудо могло спасти Фабиано и его семью. Но когда фазенда опустела и он понял, что надеяться больше не на что, вакейро решил уходить. Он заколол единственного теленка, который у него остался, посолил мясо и собрался в дорогу. Фабиано даже не попрощался с владельцем фазенды, чтобы не расплачиваться с долгами. Он, словно негр, вырвавшийся из рабства, бежал от хозяина куда глаза глядят.

Фабиано и его семья вышли на рассвете. Витория на всякий случай закрыла дверь на задвижку. Они миновали двор, пустые загоны, открытые настежь, и оставили позади полусгнившую повозку у жуазейро. Проходя мимо камней, куда дети бросали дохлых гадюк, Витория вспомнила про Кита и всплакнула, но в полутьме никто не заметил ее слез. Они спустились с холма, перешли высохшую речку и направились в сторону юга. Путники брели в полной тишине. На узкую дорогу, усыпанную мелким гравием, ложились четыре тени: впереди шагали мальчики с узлами тряпья, чуть поодаль — Витория с жестяным сундучком и сосудом для воды, Фабиано тащился позади; на поясе у него висел нож и деревянная чашка, на одном плече болтались сумка и кремневое ружье, на другом — мешок с провизией. Они прошли больше трех лиг, прежде чем светлая полоска зари прорезала горизонт, и наконец остановились передохнуть. Фабиано сбросил с плеча мешок и взглянул на небо, прикрывая глаза рукой. Он никак не мог до конца поверить, что они отправились в дальний путь, и покрикивал на малышей, которые убегали вперед: пусть побегут силы. Ему не хотелось покидать фазенду. «Уйти отсюда? Да это просто нелепо», — думал он. Только когда не осталось никакой надежды, Фабиано решился

уйти. Разве можно жить на кладбище? Ничто не удерживает его в высохшей каатинге, он найдет место получше, чтобы умереть. Так убеждал себя вакейро, а сам думал совсем о другом: о загонах, которые следовало починить, о верном своем коне и о гнедой кобыле, о жуазейро, о глиняных горшках, об очаге на кухне и о жесткой кровати. Как тяжело было расставаться с этими привычными, обыденными вещами. Его альпаргаты постукивали по каменистой дороге. Фабиано с затаенной надеждой взглянул на небо: не предвещает ли оно дождь? Но лишь узкая оранжевая полоска зари освещала предрассветное небо. Скоро, он это хорошо знал,

небо станет, как всегда, ярко-голубым. Он вздрогнул, словно от неожиданного удара.

С тех пор как появились перелетные птицы, спокойствию Фабиано пришел конец. Он много работал, чтобы заглушить тревогу. Но даже работа не отвлекала его от гнетущих мыслей, а ночью он просыпался в бреду и, ворочаясь с боку на бок, со страхом думал о том, что его ждет.

Солнце вставало, яркий свет заливал долину. Только сейчас вакейро окончательно поверил в то, что они покидают фазенду. Он бросил взгляд на жену и детей, вскинул на плечо ружье и мешок и резким голосом приказал трогаться. Путники шагали очень быстро, словно кто-то гнался за ними, и Фабиано чуть не наступал малышам на пятки. Мысль о собаке не давала покоя и неотступно преследовала его. Надо скорей выбраться отсюда. Витория потянулась за четками, спрятанными на груди. От резкого движения сундучок чуть не упал

на землю. Она выпрямилась, поправила сундучок и еле слышно зашептала молитву: господи, защити невинных. Сердце ее наполнилось каким-то новым, светлым чувством. Это ее воодушевило, и ей захотелось поделиться с мужем своими мыслями. Хоть язык и был у нее хорошо подвешен, Витория не могла произнести ни слова, в горле стоял комок, и как раз сейчас она больше всего нуждалась в поддержке.

В могильной тишине наступало утро, не слышалось птичьих трелей, и ветер не шелестел листвою деревьев. Багрянец зари исчезал, он растворялся в синеве, заливающей небо. Витория чувствовала, что ей надо заговорить. Иначе засуха победит ее, как победила кусты, что безжизненно стояли вокруг. Ей хотелось кричать, что у нее еще много сил, что изнуряющая, беспощадная жара, опаленные зноем деревья не страшат ее. Она подошла к мужу и заговорила. Это помогло ей забыть на миг о надоедливых колючках, о перелетных птицах и грифах, разыскивающих падаль. Прошлые и будущее смешались в ее голове. Могут ли они стать такими, как прежде, спросила Витория. Фабиано усомнился в этом и пробурчал что-то невнятное. Но он обрадовался, что жена затеяла беседу. Он встал, и ноша показалась ему невыносимо тяжелой. Вопрос Витории заинтересовал Фабиано, и он даже не заметил, как прошел пол-лиги. Сперва он подумал, что и жена и сам он почти не изменились и остались такими, как раньше, но потом ему пришло в голову, что они все же состарились. Конечно, теперь они другие. Витория продолжала: а вдруг им повезет на новом месте? Фабиано с сомнением покачал головой: может, и повезет, а может, и нет. Так тянулась их нескончаемая беседа, полная недомолвок и пауз. Витория размечталась вслух: хорошо бы им снова зажить около мельницы. Но Фабиано возразил ей: так ли уж хорошо им было жить в вечном страхе перед засухой. Теперь они направлялись к населенным местам,— наверное, им удастся найти пристанище. Не бродить же им все время по свету, как цыганам. Фабиано вдруг помрачнел: он подумал, что, может быть, в новых местах не разводят скота; чем он будет заниматься? Жена попыталась успокоить его: ведь можно подыскать себе и другое дело. Но вакейро жаль было расставаться с привычным занятием. Он с болью в сердце подумал об оставшемся на

фазенде скоте. Но что ему там делать, если он вернется? Животные, наверное, уже погибли. Фабиано сощурил глаза, чтобы сдержать слезы. Беспредельная тоска сжала сердце. Перед ним вставали знакомые образы: хозяин, желтый полицейский, Кит, валявшийся у камней.

Мальчики скрылись за поворотом. Фабиано прибавил шагу, чтобы их нагнать. Витория последовала его примеру. Свернув со знакомой дороги, вакейро почувствовал, что они далеко ушли от тех мест, где прожили столько лет; хозяин, желтый полицейский и Кит постепенно исчезали из памяти.

Фабиано снова заговорил с женой. Он повеселел. В руках вакейро держал ружье и мешок и не мог даже закурить, боясь остановиться хоть на мгновенье. Чтобы подбодрить себя, Фабиано сказал Витории, что сможет много пройти, и она согласилась с ним. Тогда Фабиано, благодарный жене за поддержку, похвалил ее: какая она выносливая! Щеки Витории залились румянцем, и муж повторил еще раз: она такая красивая и крепкая. Витория усмехнулась и опустила глаза: не так она хороша, как муж говорит, а скоро и вовсе станет бог знает на кого похожа. Но на новом месте она снова поправится. Возможно, там будет лучше. Фабиано не верил в это, но жена принялась его убеждать: почему им всегда должно не везти? Не вечно же им придется убегать от засухи? Разве они не могут жить по-человечески? Ведь когда-нибудь они купят такую же кровать, как у сеу Томаса? Фабиано нахмурился: опять начинается бесполезный разговор, но Витория не обратила внимания на его недовольство. На свете столько чудесного, так неужели они должны ютиться в норе, как звери? Мир так велик.

На самом деле их мир был очень мал, но им казалось, что он огромен, и Фабиано с Виторией, несмотря на сомнения и страх, шли вперед. Внимание Витории привлекли сыновья: они загляделись на далекие горы, где обитали таинственные существа.

— О чем они сейчас думают? — прошептала она. Ее вопрос показался Фабиано странным. Ведь малыш, как зверек, ни о чем не думает. А может, жена права? Ведь она всегда оказывалась права.

— Чем будут заниматься наши сыновья, когда вырастут? — спросила Витория.

— Пасти скот,— ответил, не задумываясь, Фабиано.

Жена с недовольной миной покачала головой: да сохранит их господь от такого несчастья. Пасти скот, что за странная мысль! В городе они скоро забудут о сертанах, о холмах, колючих кактусах и пересохших реках. Нет, они больше не вернутся сюда и даже не затоскуют о фазенде. Не хватало им еще вспоминать сухие колючки да голые камни. Они обоснуются в чужом краю и постепенно привыкнут к нему.

Вакейро размышлял о том, как они заживут на новом месте, и совсем забыл о своей ноше; мешок с провизией соскользнул у него с плеча. Он выпрямился и поправил мешок. Разговор с Виторией очень ему помог, но все-таки незаметно подкралась усталость, хотелось есть. Фабиано поднял голову и взглянул на небо: солнце стояло высоко. Он опустил глаза и внимательно осмотрел равнину, отыскивая какой-нибудь водоем. Он снова вскинул сумку и пошел, приподняв одно плечо,— так идти было удобнее. Он уже не верил слепо в мечты Витории. Строит, бедняжка, воздушные замки, а сама шатается от усталости.

Путники остановились передохнуть у засохшего дерева. Они пожевали немного муки и вяленого мяса, допили оставшуюся воду. Пот на лбу Фабиано смешался с пылью и засох, лицо покрылось серой коркой. Когда они пойдут дальше, Витории легче будет нести пустой сосуд для воды. Вакейро инстинктивно продолжал искать водоем в этих безлюдных местах. Ему вдруг стало холодно, мурашки забегали по спине. Он наивно, по-детски улыбнулся. Как можно озябнуть в такую жару! Несколько минут он бессмысленно смотрел на жену и детей. Старший сын жадно обглаживал кость. Фабиано вспомнил Кита, и холодок пробежал по его спине, улыбка сразу пропала.

Если бы им удалось отыскать поблизости воду, вот бы они попили! Фабиано указал Витории на ложбинку, видневшуюся вдалеке: это водоем, не правда ли? Она колебалась, и вакейро принялся ее убеждать: разве он не знает этих мест и попусту мелет языком? Если бы жена согласилась с ним, он бы сам заколебался, что там есть вода, но она сомневалась, и Фабиано изо всех сил старался ее убедить. Он с воодушевлением описывал придуманный им самим источник с водой, даже не

замечая, что говорит неправду. И Витория заразилась его уверенностью. Ведь они шли по знакомым местам, а кому, как не Фабиано, знать их, ведь он целыми днями пас скот. Там, за далекими горами, совсем другой мир, неведомый и страшный, но здесь ему было родным каждое деревцо, каждый кустик.

Дети улеглись на землю и заснули. Витория попросила у мужа огниво и раскурила трубку. Фабиано зажег самодельную сигару. Понемногу они успокоились и снова принялись негромко обсуждать свои планы на будущее. Фабиано вспомнил о больном коне, оставшемся на фазенде. Вероятно, конь умрет, беднягу даже некому покормить. Надо было взять его с собой, он бы вез поклажу, некоторое время питался сухими листьями, а там, за горами, нашлась бы и трава. Но лошадь принадлежала помещику, и он не мог взять ее с собой. А теперь она погибнет. Вакейро живо представилось, как грифы приближаются к умирающему коню, чтобы выклевать ему глаза. Мысль о грифах взбесила Фабиано. Сейчас им вдоволь хватает падали, так зачем же им новая жертва?

Грифы урубубу вечно летали в каатинге; откуда они брались, для всех оставалось загадкой.

Наверное, грифы кружат сейчас над обессиленным конем, который забился от страха в загон. У Фабиано слезы навернулись на глаза. И ведь ненасытные хищники нападают именно на тех животных, которые не могут сопротивляться. Ему почудилось вдруг, что крылатые стервятники летают над ним, над Виторией и малышами. Витория заметила, как Фабиано изменился в лице, и поняла его волнение. Она разбудила малышей и собрала вещи. Фабиано взвалил на себя мешок с едой, Витория взяла у него деревянную чашку и положила ее на голову старшему сыну, поверх узелка с бельем. Вакейро это понравилось, и он улыбнулся, забыв про грифов и лошадь. Что за умница у него жена! Так хорошо придумала — и ему легче, и малыша не так сильно припекает солнце. Чашка весила немного, но Фабиано казалось, что ему стало свободнее идти, и он уверенно зашагал к водоему. Они, вероятно, придут туда к ночи, напьются, отдохнут и снова пустятся в дорогу при луне. Правда, он и сам в этом сомневался, но надежда придавала ему силы.

— Я и не в таких переделках побывал!— воскликнул Фабиано, словно бросая вызов небу, колючкам и грифам.

— Да,— прошептала Витория; кто, как не она, мог подтвердить это.

Фабиано и Витория смутно представляли себе, что их ожидает на новом месте. Они приживутся в маленьком поселке и станут обрабатывать землю, а потом переселятся в город: дети пойдут в школу.

Нарисовав такую картину их дальнейшей жизни, Витория приободрилась, а Фабиано даже засмеялся от радости, и ему захотелось потереть руки, как он обычно делал, но руки были заняты. Мешок с едой и ружье уже не казались ему такими тяжелыми, он не чувствовал камешков, забившихся в альпаргаты, не обращал внимания на запах падали. Новые времена ожидают их. Они пойдут дальше и достигнут наконец неведомой земли. Фабиано был доволен, он верил в эту землю, как в чудесную сказочную мечту. Он вполголоса повторял слова Витории, слова, которые она шептала, потому что верила в него. И они шли на юг вслед за прекрасной мечтой. Они попадут в огромный город, где живут сильные люди. Мальчики будут учиться в школе. А Фабиано и Витория отойдут в иной мир, когда пробьет их час, и никто о них не пожалеет, как о бедном Ките. Что поделаешь? Такова жизнь. На мгновение они приостановились. Что их ждет впереди? Они доберутся до незнакомого города и обоснуются там. А из сертанов постоянно будут приходить люди, такие же смелые и выносливые, как Фабиано, Витория и их сыновья.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Тертерян.</i> Предисловие	5
---	---

И С С У Ш Е Н Н Ы Е   Ж И З Н И

<i>Глава</i> <i>I.</i> Переселение	9
<i>Глава</i> <i>II.</i> Фабиано	15
<i>Глава</i> <i>III.</i> Тюрьма	22
<i>Глава</i> <i>IV.</i> Витория	30
<i>Глава</i> <i>V.</i> Младший сын	35
<i>Глава</i> <i>VI.</i> Старший сын	40
<i>Глава</i> <i>VII.</i> Зима	45
<i>Глава</i> <i>VIII.</i> Праздник	51
<i>Глава</i> <i>IX.</i> Кит	59
<i>Глава</i> <i>X.</i> Счеты	63
<i>Глава</i> <i>XI.</i> Желтый полицейский	69
<i>Глава</i> <i>XII.</i> Птицы закрывают небо	74
<i>Глава</i> <i>XIII.</i> Бегство	79

ГРАСИЛИАНО РАМОС

ИССУШЕННЫЕ ЖИЗНИ

Редактор Л. Бреверн
Художеств. редактор Д. Ермоленко
Техн. редактор М. Позднякова
Корректор М. Муромцева

Сдано в набор 2/II 1968 г. Подпи-
сано к печати 7/VI 1968 г. Бумага
типографская № 2. Формат 84 ×
108^{1/32}—2,75 печ. л., 4,62 усл.
печ. л., 4,53 уч.-изд. л. Тираж 50 000.
Зак. 8-65. Цена 24 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе
Комитета по печати при Совете Ми-
нистров УССР, Харьков, Донец-
Захаржевская, 6/8.

Правильная цена 25 коп.

